

АКТ

Ъ

(ЕРЬ)

л.в. зубовой

*как в слове ПУШКИНЪ твёрдый знак...
Казаринъ*

ДЕРЖАВИНЪ КАРАМЗИНЪ СУМАРОКОВ
ПУШКИНЪ ГРИБОЕДОВЪ ЛОМОНОСОВЪ
КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ ДЕЛЬВИГЪ ЛЕРМОНТОВЪ
БРЮСОВЪ ГУМИЛЁВЪ МАНДЕЛШТАМЪ
БУРЛЮКЪ ИВАНОВЪ ЛИФШИЦЪ
ЕСЕНИНЪ ЭЙХЕНБАУМЪ ЛОТМАНЪ
ТЮТЧЕВЪ ХЛЕБНИКОВЪ ЛУНЦЪ
МЕЦЪ ВОЛОШИНЪ
ФЕТЪ НАБОКОВЪ
ЛЁНЪ ПАСТЕРНАКЪ
ТЫНЯНОВЪ
ЛИХАЧЁВЪ
МАКСИМОВЪ
ЗАМЯТИНЪ
СОЛЖЕНИЦЫНЪ
АСЕЕВЪ ДАРЪ СЕМЁНОВЪ
МИШИНЪ МИРОНОВЪ СЫЧЁВЪ
МОРЕВЪ ДОМАШЁВЪ ПЕТУХОВЪ
ГОЛЫНКО – ВОЛЬФОНЪ РЕЙНЪ
УФЛЯНДЪ ГАВРИЛЬНИКЪ САПГИРЪ
КРИВУЛИНЪ ОХАПКИНЪ
ЛЕЙКИНЪ ЧЕЙГИНЪ
ШНЕЙДЕРМАНЪ ЛЕВИТАНЪ
КАЗАРИНЪ ГОРНОНЪ
БЕРДНИКОВЪ СКИДАНЪ
ГРИГОРЬЕВЪ ЯСНОВЪ
ГРИГОРЬЕВЪ КУШНЕРЪ
ГРИГОРЬЕВЪ ТАЙГИНЪ
МИРЗАЕВЪ СУДАКОВЪ
ГАНДЕЛЬСМАНЪ ФИЛИППОВЪ
ВАСИЛЬЕВЪ КИРСАНОВЪ
КАНТЕМИРЪ АВБАКУМЪ
АХМЕТЬЕВЪ РУБЦОВЪ
СТРОЧКОВЪ БОБЫШЕВЪ
НЕКРАСОВЪ БУЛГАКОВЪ
ПАРЩИКОВЪ ЭЙДЕЛЬМАНЪ
ПРИГОВЪ ВАГИНОВЪ
ХОЛИНЪ АНЦИФЕРОВЪ
КУЗЬМИНЪ ПЛАТОНОВЪ
КУРЁХИНЪ КУЧЕРЯВКИНЪ
АРУТИНЪ ШПАЛИКОВЪ
ДРУСКИНЪ ДАВЫДЕНКОВЪ
МЕЛАМИДЪ ОБРЯДИНЪ
МЕДВЕДЕВЪ КИРИНДАСЪ
ЛИХТЕНФЕЛЬДЪ КОНСТРИКТОРЪ
ГУТАНЪ РУБИНШТЕЙНЪ САМОЙЛОВЪ
СЕВЕРЮХИНЪ ЗАВЬЯЛОВЪ ОЖИГАНОВЪ
СУХОТИНЪ КИПЕРМАНЪ ЛОСЕВЪ СЛИВКИНЪ
КИМЪ ГИНЪ ШИФРИНЪ ЭПШТЕЙНЪ ГАМПЕРЪ
САЛТЫКОВЪ – ЩЕДРИНЪ РАДИЩЕВЪ САЛИМОНЪ
БАТЮШКОВЪ СОЛОГУБЪ ИВАНОВЪ ЗИНОВЬЕВЪ

ФРУМКИНЪ-РЫБАКОВЪ

Культуру эпохи газаневщины можно рассматривать как уникальное явление и тогда она имеет чисто прикладное, если не этнографическое значение, и у нее есть свой ареал распространения и своя черта оседлости и свой, только ей свойственный метаязык. Можно смотреть на вещи с той широтой и смелостью, которой только и достойно любое значимое явление и событие, и тогда то, что называли современники второй культурой, противопоставляя её не только официальной, но более всего официальной культуре эпохи застоя, становится значимой и значительной частью русской культуры второй половины XX века.

Нонконформизм определял умонастроения русской интеллигенции этой эпохи и, входя в противоречие с общепринятыми правилами поведения, художник отстаивал свое право на свободу творчества доступными ему способами – участием в квартирных или газаневских выставках, а поэт – публикациями в сам и тамиздате.

В сущности газаневские выставки и были самиздатом художников, а самиздат – газаневщиной поэтов.

Судьбы поэтов и художников тесно переплетались, а случалось, что разные по своей природе виды творческой деятельности, – литература и изобразительное искусство – рекрутировали в свои ряды одну и ту же персону.

Со временем на смену вольноопределяющимся художникам и поэтам пришли творческие объединения, клубы, товарищества, сквоты. Они помогли многим выжить и отстоять свое право на профессию. Но творчество само по себе и есть осуществление права на свободу самовыражения.

Еще предстоит историкам искусства и исследователям истории литературы изучить взаимное влияние художников и поэтов недавнего времени, мы же хотим в настоящей номере АКТа представить часть живой картины нашей литературы 70-80 гг. Степень её влияния на литературу настоящего времени еще не исследована.

СТИХИ ИЗ «ВОСТОЧНОГО ЦИКЛА»

КАК ЛАО-ЦЗЫ ПРИШЕЛ К УЧЕНИЮ «ДАО»

**Прогулка Лао-Цзы по саду
в сезон весеннего равноденствия
в год земли и мыши**

Лао-Цзы, прогуливаясь по саду в год земли и мыши
и увидев перевернутые ветви деревьев,
отраженные в прозрачной глади озера,
отметил, что наступил сезон весеннего равноденствия.

**Прогулка Лао-Цзы по саду
в сезон пробуждения насекомых
в год воды и тигра**

Лао-Цзы, прогуливаясь по саду в год воды и тигра,
увидев перевернутые ветви деревьев,
отраженные в прозрачной глади озера
и обнаружив жука, ползущего по тропинке сада,
отметил, что наступил сезон пробуждения насекомых.

**Прогулка Лао-Цзы по саду
в сезон осеннего равноденствия
в год огня и змеи**

Лао-Цзы, прогуливаясь по саду в год огня и змеи
и увидев перевернутые ветви деревьев,
отраженные в трепещущей глади озера,
с трудом различимые за сеткой дождя,
отметил, что наступил сезон осеннего равноденствия.

**Прогулка Лао-Цзы по саду
в сезон выпадения инея
в год дерева и обезьяны**

Лао-Цзы, прогуливаясь по саду в год дерева и обезьяны,
увидев перевернутые ветви деревьев,
отраженные в прозрачной глади озера,
обнаружив жука, застывшего от холода на тропинке сада,
и отметив, что наступил сезон выпадения инея,
задал себе вопрос,
почему пестрые краски весенней природы
и радостный летний ее расцвет
сменяются блеклыми красками осеннего увядания?

ПОЧЕМУ БЫЛА НАПИСАНА КНИГА ПЕРЕМЕН

**Путь на гору Цзин-линь.
Высота 700 метров над уровнем моря**

Лао-Цзы, 2500 лет назад, взбираясь на гору Цзин-линь,
в то время как Луна, совершая свой путь вокруг Земли,
постепенно передвигалась с запада на восток,
добрался до луга,
покрытого нежной зеленью,
где паслись стада ленивых коров и резвых лошадей.

**Путь на гору Цзин-линь.
Высота 1200 метров над уровнем моря**

Лао-Цзы, 2500 лет назад, взбираясь на гору Цзин-линь,
в то время как Луна, совершая свой путь вокруг Земли,
постепенно передвигалась с запада на восток,
добрался до тихо журчащей реки,
на берегах которой росли камелии,
осыпающие белые цветы на мокрые камни.

**Путь на гору Цзин-линь.
Высота 1900 метров над уровнем моря**

Лао-Цзы, 2500 лет назад, взбираясь на гору Цзин-линь,
в то время как Луна, совершая свой путь вокруг Земли,
постепенно передвигалась с запада на восток,
добрался до ласточкиных гнезд,
откуда, как быстрые стрелы,
улетали птицы в небесную даль.

**Вершина горы Цзин-линь.
Высота 2300 метров над уровнем моря**

Лао-Цзы, 2500 лет назад, в то время как Луна,
совершая свой путь вокруг Земли,
постепенно передвигалась с запада на восток,
взобравшись на окутанную снежным покрывалом
вершину горы Цзин-линь
и оглядываясь на пройденный путь,
решил написать книгу перемен.

Есть ритм и век
И есть смятение духа,
И каждый человек
Для космоса лишь муха,
А может, таракан,
Иль божья се коровка,
Полней налей в стакан –
Жизнь солнечный обман,
Со смертью рокировка.
Мелькнул на грани блик,
Ну, что же ты смутился,
Иль то небесный лик
В стакане отразился.

Осенний сквер. Рассыпанные звезды.
На стареньких качелях у куста
Две девочки беседуют серьезно,
А вся беседа между «нет» и «да».
Качаются над городом ночным
То вверх, то вниз
Без видимых усилий.
И мир еще не может быть другим,
А только тем, каким вообразили
Его девчонки...
Два листа на ветке
В их разговор вплетают шепот редкий.

На стогны и шпили, дворцы экс столицы
Слетелись двуглавые, хищные птицы
И машут крылами, глаза на Запад,
Сжав сферу Востока в воинственных лапах.
Химеры и сфинксы сквозь пленку тумана
Ночами вопят сладострастно «оссана».
Младенцы боятся на свет появляться
И души живых между мертвых ютятся.
Свет истин для разума мало что значит,
И черти хохочут и ангелы плачут.

Рисунок сна возник в кофейной гуще.
Мир без меня закручен и запущен,
Вращается планета с ней и я
Скольжу как ток в спирали бытия.
Мне кажется, немного напрягусь
И заучу рассветы наизусть...
В кофейной гуще видятся с изнанки
И Летний сад, и замок близ Фонтанки,
Над Троицким скользят трамваи...
Людей вгоняли в землю словно сваи,
Чтоб шпиль доставали до небес,
А глазомер – воистину отвес
Меж Ангелом и тьмою казематов.
Санкт-Петербург – Европа азиатов,
Явившая из сумрачных болот
Адмиралтейство, храмы, верфи, флот.
Рисунок сна, означенный каймой,
Со стенок чашки влажной губкой смую.
С годами без сомненья и меня
Спокойно смоят очертанья дня.

Невяnten мне иврита иероглиф.
 Так получилось. Так задумал Бог:
 чтоб мы, его разведчики, продрогли
 в стране, где снег, и вёрсты – без дорог...
 Не заносясь, не праздновали труса
 и не молились идолам чужим.
 Он, верно, видел в каждом Иисуса,
 он, может, этим только-то и жил...
 Но – разбрелись в полпреды и в чекисты,
 в ростовщики, в торговцы всем и вся...
 И – умер Бог.

Проворный и речистый
 живёт народ, по свету колеся.
 Растёт себе, штудирюя науки,
 забыв о главной, брошенной в пыли:
 что избран был он Господом на муки,
 а вовсе не в президиум Земли...
 Вот потому и вязнем в бездорожье
 (куда ни глянешь – слёзы по щеке),
 вдруг вспоминая всеу имя Божье
 на непонятном вещем языке...

2004

Мне кладбища милее улиц,
 где шум, торговля, толчея...
 Брожу, нахохлясь и ссутулясь,
 ничья жена и дочь ничья,
 чураясь памятников гордых,
 склоняясь к датам и цветам.
 Как ровно дышит город мёртвых,
 мир поделив на «здесь» и «там»...
 И стыдно лжи и мелкотемья,
 и дней, затоптанных с толпой...

...А после – хоть пляши и пой:
 ты всё равно уже не с теми...
 С изнанки лёгкий холодок
 пророс в душе, её спасая...

Где бродит истина босая,
 отлив тебе ещё глоток...

2004

Провинциальный мой покой
 встревожит разве телеграмма...
 Пригубить три бодрящих грамма
 и надломиться над строкой...
 Да не своей, а Мандельштама.

Наверно, я уже в раю,
 поскольку так и представляла
 обитель тихую свою,
 где кружка, книжка, одеяло.

А если кто-то скажет: «мало...» –
 Глупец! – Над бездной... На краю...

Спартанский, нет, германский дух,
 нет, философия солдата
 в любом бою: обнимешь брата –
 и рад.

И жизнь – жужжанье мух!

Вон, заплутавшая одна
 всё бьётся в свет, слюду ломая...

Какая разница, какая
 эпоха, непогодь, страна...

Немного красного вина,
 немного памятного мая...

Вздыхни. К окошку подойди...

А там – там целые романы:
 голубоватые дожди,
 голубоватные туманы...

И в белой плесени платаны
 как в седине...
 Как – позади...

2004

забьют до смерти
 объявят террористом
 или наоборот
 объявят террористом
 и забьют до смерти
 поставят блок-посты
 на входах в метро
 школу роддом
 кладбище
 усилят структуры
 придадут новые силы
 введут цензуру
 поставят к стенке
 нажмут кнопку
 и все будет хорошо
 все будет хорошо
 вот только
 забьют до смерти
 объявят террористом
 или объявят террористом
 и забьют до смерти

будь хоть умником хоть идиотом
 а высоких небес сентябрь
 в облаках со сквозным перелётом
 ты не вытравивши из себя
 и не выразишь не исполнишь
 даже если попросят на бис
 остерегшись внезапно вспомнив
 кто так смотрит оттуда вниз
 божий зрак божий глаз божье око
 в безлюбовной глухой тоске
 видит сверху фронтально сбоку
 тень твою и тебя на песке
 на волнистой песчаной мели
 на мели где гниет тростник
 где каракули как умели
 волны выписали прости
 в этих линиях и извивах
 в малых лужицах и бугорках
 залихватская спесь залива
 и его неподсудный страх
 ты же вроде моллюска вроде
 скорлупы его под ногой
 чужероден самой природе
 озадаченной не тобой
 и такая в тебе обида
 что не выдохнуть не вздохнуть
 всех-то сил не подавши вида
 снизу вверх из-за слез взглянуть
 и увидеть в цветных разводах
 облака облака облака
 ветер неба его свободу
 а не слово и не слова

порох черный порошок белый
 пуля-дура штык-молодец
 пироксилин тротил динамит напалм
 гексаген пластид газовая камера
 ОВ НПД ОМП ОМУ ОИВ ПТС
 капсулы пробирки контейнеры
 атомная водородная нейтронная бомбы
 бомбочки гранаты мешочки коробочки
 оболочки запалы взрыватели датчики
 усика провода контакты чипы
 часовой механизм тепловой индикатор
 оптический прицел приборы ночного видения
 всё для человека всё во имя человека
 амба аминь аллах акбар с нами Бог
 Сила Господняя с нами Господи Боже мой
 спаси и сохрани оборони нас Господи

Russisches Alphabet

A	Achmatowa ist ein Wodka
Б	Babel ist ein Wodka
B	Wjasemskij ist ein Wodka
Г	Gogol ist ein Wodka
Д	Dostojewskij ist ein Wodka
Е	Jessenin ist ein Wodka
Ж	Zhukowskij ist ein Wodka
З	Samjatin ist ein Wodka
И	Iwanow ist ein Wodka
К	Karamsin ist ein Wodka
Л	Lermontov ist ein Wodka
М	Mandelstam ist ein Wodka
Н	Nabokow ist ein Wodka
О	Okudzhawa ist ein Wodka
П	Puschkin ist ein Wodka
Р	Rubinstein ist ein Wodka
С	Sorokin ist ein Wodka
Т	Tolstoj ist ein Wodka
У	Ulitzkaja ist ein Wodka
Ф	Fedin ist ein Wodka
Х	Chlebnikow ist ein Wodka
Ц	Zwetajewa ist ein Wodka
Ч	Tschechow ist ein Wodka
Ш	Schwarz ist ein Wodka
Щ	Schtschedrin ist ein Wodka
Э	Ehrenburg ist ein Wodka
Ю	Jurjew ist ein Wodka
Я	Jasykow ist ein Wodka

100 Gramm ist kein Wodka

Русский алфавит

Ахматова	А	Водка
Бабель	Б	Водка
Вяземский	В	Водка
Гоголь	Г	Водка
Достоевский	Д	Водка
Есенин	Е	Водка
Жуковский	Ж	Водка
Замятин	З	Водка
Иванов	И	Водка
Карамзин	К	Водка
Лермонтов	Л	Водка
Мандельштам	М	Водка
Набоков	Н	Водка
Окуджава	О	Водка
Пушкин	П	Водка
Рубинштейн	Р	Водка
Сорокин	С	Водка
Толстой	Т	Водка
Улицкая	У	Водка
Федин	Ф	Водка
Хлебников	Х	Водка
Цветаева	Ц	Водка
Чехов	Ч	Водка
Шварц	Ш	Водка
Щедрин	Щ	Водка
Эренбург	Э	Водка
Юрьев	Ю	Водка
Языков	Я	Водка

100 грамм не Водка

(перевод Валерия Мишина)

Чутьку ниже

1
чутьку ниже, еще нежнее
тело садится, на подлокотник
облокачивается, затурынкает сильно
погонялово такое

обернулось и видит
совсем не то, система здравоохраненья
страдает, происшедшее поутру
комментировать не стоит

2
позеленело чутьку ниже
нужного, заселенный плотно
участок страны переходит
в пустыню, возле экватора

путешественник принимается сикать
обильно, видимо, с перепою
или сильно изношен, полюбишь
от нечего и песчинку

3
полегло уже столько, спустили б
чутьку ниже, понятный
язык состоит из двух
или трех причмоков

о смысле жизни, о том дерьме
что за ним крылось когда-то, в дурке
побывавший на пенек садится
повышения дожидается

4
окатило восторгом, забрался
чутьку ниже положенного
и насильно мил будет
человек, если впритирку

все остальное, с апельсина
сдирается кожура, расплодилось
сучье племя на отведенном
не для этого огороде

5
все здесь чутьку ниже
других, по-другому мыслят
с другими прихватами, макушка
чешется не так, размалеван

не той краской полный
убок, сидящий на корточках
ведущая вниз дорога
загибается за угол и понеслось

6
птица летает чутьку ниже
планки, вот катка на петьке
иль мишка на аньке, все путем
а ты опустился бы до такого

еще спрашивает, свальный грех
оттого и влечет человека
что свалиться ему не дает
нагибается завязать шнурок

7
чутьку ниже дырки в
поле еще одна дырка, подпольем
называется, кран прикрутил газовщик
чтоб не тянуло, по одной щеке

ударил, затем приступил ко второй
отлупцованный подпольщик
кажет нос, оброненный предмет
обрастает снизу самим собою

ДВОРЦОВЫЙ МОСТ

На Пушкином воспетые места
(а также современными поэтами)
мальчишка ссыт с Дворцового моста!
И я его приветствую поэтому.

Ссы, мальчик мой! В том смысле, что – не ссы!
Не бойся Достоевского и Пушкина!
Оттикали последние часы
Эпохи, что была для них отпущена.

И пусть струя, как луч, рассеет тьму!
Мы ж не напрасно время торопили!
Пойдет во благо граду моему
Сеанс такой уринотерапии!

Струя над миром выгнулась дугой!
А под мостом играют волны, пенясь!
Одной рукой придерживая пенис,
Ты обнимаешь девочку другой.

Кто говорит, что нет на нем креста?
Пусть говорят! Не верьте этим людям.
На все, что было и все, чем будем
Мой мальчик ссыт с высокого моста!

ЗАВЕЩАНИЕ

А что я оставляю, когда я уйду,
Чем имя в потомках прославлю?
Наследства не будет. Имейте ввиду –
Я вам ничего не оставляю.

И берег балтийский, и крымский прибой,
И мачту, и парус на мачте –
Я весь этот свет забираю с собой.
Живите без света и – плачьте!

ВИСЕЛЬНИК

Жизнь его, должно быть доконала.
В Петербурге, ночью, в ноябре,
Близ аптеки, около канала
Человек висел на фонаре.

Очевидно, парень был поэтом.
Пел, покуда не накрыла сеть.
А зачем иначе в месте этом
Вдруг ему приспичило висеть?

Сам себя поэт повесил? Или
Кто-то из приятелей помог?
Думаю, что все же подсадили,
Ибо столб достаточно высок.

Проиграв в неравном поединке
Он рванулся в петлю головой.
Высоко качаются ботинки,
Словно он шагает над землей.

У него – ни родины, ни веры.
У него – не правды, ни любви.
Не спешите, милиционеры,
Вынимать поэта из петли.

Для него закончилась дорога
Жесткою петлей под кадыком.

Пусть он повисит еще немного.
Он вас не заденет каблукком.

У поэта много жизней
и одна другой короче,
никакой костюм поэтому
на поэте не сидит,
а слезает, облезает,
убегает и хохочет,
или плачет среди ночи
пуговицами слезами,
или в танце диком кружится,
или вместо поэта ложится
то с девушкой милой,
то в сырую могилу,

и все думают что это – поэт,
а поэт совсем раздет
и прозрачен на просвет!

Люди-стаканы и люди-кружки
в сумерках бьют по лицу друг дружку,
а когда разобьют свои кружки стаканы
чем они пить-жить станут?

Когда разобьется в стеклянную крошку
пустое будущее, простое прошлое,
когда останется лишь настоящее,
где живут только люди-ящички,

и этим стеклянным людям
места уже не будет.

ДОРОГА НА КРАТОВО

В конце вагона сумасшедшая
звонит пустой посудой,
я уже видел два года назад
в электричке на Кратово,
это страннокрасивое лицо,
клетчатые брюки
и на ногах драные резиновые калоши,

любое слово превращает
её лицо в гримасу,
и лучшее, что может быть, – молчание.
Я уже видел ее
на перроне, где голуби и
воробьи цвета железной дороги
делят крошки человеческой еды,
а поезд медленно трогается,

и я рифмую: Перово –
здорово,
или:
Если взяли перо вы
и пишете ровно –
вы писатель херовый
и живете в Перово,
но пишете криво ежели,
значит в Перово вы не жили...

Дальше – станция Фрезер,
но рифма с трудом уже лезет,

потом – плюшевое Плющево,
Вешняки, Выхино –
мыхино – тыхтино – яхино
онихино и онахено.

А в поселке Кратово живут поэты
Коля Байтов и Миша Сухотин,
сумасшедшая раньше выходит,
да и Кратово – не конечная станция,
там даже тупика нет.

ЯЩЕРИЦА

Говорят, что старец Хан Со был ещё жив в начале 80-х годов и его можно было найти в предгорьях Тибета (а именно в стране Кам). Говорят, он был монголом. Более того, – говорят, что молодой Павич ездил к нему, чтобы беседовать о снах... Честно говоря, мне в это не верится. – Если Павич молодой, то когда ж это было? при председателе Мао? – как туда можно было добраться в то время? добыть командировку от Тито? (шучу)... Да и на каком языке могли они беседовать? – Вряд ли старец Хан Со владел каким-либо из европейских дискурсов.

В моём распоряжении имеется дневник одного хиппи. Он попал ко мне через моего питерского друга, Диму Григорьева. Но, в принципе, я не исключаю, что сам Дима мог собственноручно его написать (т.е. фальсифицировать этот дневник), – тем более, что он-то уж точно был в тех краях – хоть и добрался туда позже, в середине 90-х. Старца Хан Со уже не было в живых, и в дневнике описывается некий его ученик (имя отсутствует), который жил в пещере и половину жизни курил коноплю, а другую половину спал. Проснувшись, он рассказывал своему гостю, английскому хиппи, увиденные сны, а тот записывал... На каком языке он рассказывал? – это остаётся такой же тайной, как и в случае с самим Хан Со. Потом англичанин куда-то исчез, а его дневник остался в пещере. Дима, оказавшись там на правах следующего гостя, забрал его и привёз в Питер, где с помощью жены перевёл.

Рассмотрим этот дневник.

Как и следовало ожидать, сны различаются по источнику. Один источник «от земли» (т.е. по-европейски – от реальности), другой источник «от неба» (то есть, по-земному, от абсурда). Я, в принципе, согласен с таким различием, – тем более что близкий опыт описывает Кастанеда, хотя и в других терминах: он говорит о неких «лазутчиках», которые проникают в наши «земные» сны из других миров. Относительно «лазутчиков» – это так и есть, я на себе испытал и могу привести, по крайней мере, два ярких примера. Но дело в том, что «лазутчики» – они пришлые, как кометы. Между тем, сама «фактура» сна, его «естественное» течение, бывает разное. И здесь я склоняюсь больше к учению Хан Со, чем к писаниям Кастанеды. Чем задаётся «фактура» сна – неясно. Засыпаешь ли пьяный или трезвый... удручённый, униженный своими грехами или воодушевлённый, вооружённый надеждой, – может оказаться и так и эдак. Похоже, что «фактура» даётся (или не даётся) именно как благословение «неба» – внезапно. В фактуру могут прийти «лазутчики» (приняв её облик) или не прийти, но сама по себе она бывает либо яркая (удивительная) – от «неба», – либо блёкая, тусклая, дурная – от «земли».

Кроме фактуры, я бы ввёл ещё понятие эмоции. Это красочный отсвет, бросаемый сном на сновидца. (Здесь трудно сказать, что первично. Возможно, эмоция, которую душа хочет испытывать, в которую она глубоко погружается, одновременно её порождая, – возможно, она и влечёт (призывает) подходящую себе фактуру... Только вот, пожалуй, именно призывает – не из себя, а извне...). Разнообразие, тонкая дифференциация эмоций – и вместе с тем их глубина и сила, оставляющие ясный, резкий, странный привкус после пробуждения, – поразительны. Однако меня лично это наводит лишь на банальное соображение о том, что наша душа во сне более свободна, чем наяву, – т.е. сбрасывает оковы топорной, грубой «конвенциональности чувства», которую «явь» нам диктует...

В дневнике преимущественно описываются сны нейтральные (хотя и с меланхолическим оттенком). Это понятно – Ученик Хан Со – наверняка весьма опытный буддист, – мог легко отрешиться, я уверен, от «влияний» – как «земли», так и «неба».

Вот он описывает (один из самых «интересных» – оригинальных по «эмоции» – снов) своё совокупление с ящерицей, – верней, интеллектуальное совокупление. Ящерица была и предлагала себя. А он не был. Она приглашала его быть. Но это всё было неярко, не акцентировано, смазано, – безразлично. Предлагала – и в то же время не предлагала, оставляла свободным. –

«Хочешь быть?»

«А зачем это, в принципе, нужно?» – возражал он (умозрительно).

«То есть хочешь или не хочешь? Быть или не быть?»

«Ну, допустим, быть. То есть я должен в тебя войти?»

«Да. Войди! Я дам тебе бытие. Ты не пожалеешь!»

«Да я, в общем-то, и так не жалею ни о чём».

«Ни о чём? Ты такой опытный?»

«Опытный или не опытный – мне это всё равно. Мой учитель – Хан Со. Он был дурак, осёл, и единственное, чему он смог меня научить – это быть таким же ослом. Мне этого достаточно».

«А ты уверен, что твой путь – единственно возможный, что не может быть другого?»

«Уверен? Нет, конечно! Что за чушь! Какой там путь?! – Путь может быть абсолютно любой».

«Ну так войди, испытай меня. Я дам тебе, по крайней мере, бытие».

«Войду. Испытаю».

«А ты достаточно напряжён?»

«А... нет».

«Почему?»

«Потому что мне всё равно».

«И долго ты будешь продолжать на этом настаивать?»

«Нет! Я хочу тебя! Хочу скорей войти в твою внутренность, хочу получить бытие».

«Ты так говоришь в порядке (в логике) разговора – или ты действительно возжелал меня?»

«О, приди, сядь на мои чресла, – я возжелал тебя без всяких там...»

«Нет, это пока – лишь красивые слова, искусственно напряжённые. Но я сяду. Я уже сейчас устраиваюсь на твоих чреслах, потому что я авансом готова тебе дать бытие».

И она, ящерица, быстро взбежала на него, – и в этот момент Хан Со вздрогнул и проснулся, – верней, не сам учитель, а его (безымянный) ученик.

И вот тут-то, как он утверждает, он и испытал настоящее бытие – внезапно яркое – и долгое-долгое – до вечности...

Верится – не очень. С трудом. Подозреваю, что сам Дима Григорьев фальсифицировал эту запись, размазав, как говорится, романтические фаустовы слёзы по своей европейской застеклённой физиономии.

Чем-то это всё меня раздражает, а чем – непонятно...

Вряд ли буддисты – такие. Насколько я понимаю, у них вообще нет этого понятия – «бытие». Это вполне европейское заклинание, которое почему-то столь назойливо звучит в этой восточной сказке... А впрочем, нам-то что? И что нам эта блестящая ящерица, мелькающая как молния? – Мы с Киясовым сидим, листаем этот дневник, разговариваем. Время от времени выпиваем. Сны нам снятся намного более интересные, отчётливые. Старец Хан Со? – Думаю, что всё, что он мог бы нам сказать, ничего существенного нам не прибавило бы. – «А ты помнишь мой рассказ “Велосипед”?» – говорю я Киясову. – «Помню. Это про римского легионера?» – «Да». – «Он странный какой-то...» – «Так это и есть сон от начала до конца». – «Правда? И ты сам его видел?» – «Сам. Я несколько раз в жизни описывал сны. Этот – один из наиболее ярких... Но я не представляю, откуда он мог взяться! Это представить невозможно. Повидимому, от «неба»...».

ЧЕЛОВЕК СЛОВА

Однажды Геннадий Григорьев, поэт с амбициями многого классика и автор, если судить по большому счету, одной не очень объемной книжки (ее у меня недавно украли – поделом Гене, чьи шаловливые ручки неизбежно уменьшают содержимое шкафов в домах, открывающих ему двери, – так что придется избегать цитат, чтобы не погрешить против оригинала), задумал написать о себе. Замыслы, кишащие в Григорьевской голове, в восьмидесяти случаях из ста не доходят до реализации – вероятно, именно в силу их необыкновенной многочисленности и разнообразия. Подобное случилось и в тот раз – дальше названия дело не пошло. Было же оно таким: «Геннадий Григорьев – человек слова». Я так и сел. Более остроумного и двусмысленного определения, право, не придумаешь. С одной стороны, вся жизнь Григорьева посвящена слову – начиная со стихов, многие из которых я искренне люблю еще со времен нашей общей молодости, и кончая палиндромами, шарадами, аннограммами, чуть ли не ребусами и прочими словесными игрушками и шалостями; к ним можно относиться как угодно, но нередко они поистине виртуозны. С другой стороны, на уровне житейском ожидать от Гены, что он, пусть единожды, сдержит данное слово, или хотя бы надеяться на относительную правдивость его речей было бы непозволительным легкомыслием. (Как сказал когда-то ему, студенту филфака, профессор Макагоненко: «Вы, молодой человек, чрезвычайно напоминаете мне Хлестакова». «А вы мне – Сквозника-Дмухановского», – не задержался с ответом наш герой и вскоре из университета вылетел). В этом смысле «Григорьев – человек слова» – типичный оксюморон.

Можно с уверенностью сказать, что Геша (так его всегда называли и сейчас, сильно за пятьдесят, называют друзья, к числу которых смею себя причислить) этого термина не знает. Он вообще знает не очень много умных терминов. Зато, узнавая, сразу же включает их в сиюминутную ситуацию, и они обрастают совершенно неожиданными смыслами и ассоциациями (что, по сути, от поэзии и требуется). В августе 1991 года, болтаясь с ним по взбудораженному городу, я объяснил Григорьеву происхождение такого актуального тогда слова «демократия». Сцепка греческих «демос» и «кратос» чрезвычайно его заинтересовала. Посмотрев по сторонам и хлбнув из неизбежной фляжки, Григорьев задумчиво произнес:

*Поскольку демос был под градусом,
Он знать не знал, что делать с кратосом.*

Не просто точное замечание – самая, как говаривал Достоевский, правденская правда. В том-то и кроется обаятельная тайна Григорьевских стихов: в рифмованных текстах он не врет. Здесь он предельно правдив. Можно было бы привести массу примеров – но книжку, повторю, у меня украли.

Кстати, о книге. Она называется «Алиби». И называется совершенно неправильно, просто наоборот. Латинское «alibi» – «другое место», доказательство того, что человек не находился в такое-то время там-то и там-то. Вся же поэзия Григорьева свидетельствует о противном, о том, что находился – именно там и именно в ту самую минуту. Не только публицистического толка «День «Зенита», «Свидание со СПИДом», «Видеобаллада» или «Сарай», который распевали на незамысловатые мотивчики компании, о существовании Геннадия Григорьева даже не подозревавшие, – вот она, подлинная слава, слегка с годами померкшая, – но и любовная лирика, и даже стихи для детей прямо-таки вопиют: нет никакого алиби и быть не может! Есть добровольное – или невольное – признание. Голос Григорьева – голос изнутри; образно говоря, его строки представляют собой нечто вроде «Книги джунглей» – если бы ее написал обучившийся грамоте и версификации Маугли.

Впрочем, не так уж Григорьев прост. Незнакомый в быту с никакой рефлексией, в стихах он с непрерывным интересом смотрит на себя со стороны. Решусь все-таки на одну подтверждающую цитату:

*А теперь не во сне – наяву,
К самой главной приблизившись цели,
Как я с женщиной этой живу?*
А как сволочь. Глаза б не глядели.

Почти как у Бродского, Гешей публично и громкогласно поносимого:

*Это суждение стоит галочки
Даже в виду обнаженной парочки.*

Не отражение, а отражение отражения. Не поэзия жизненного факта, а факты из жизни поэзии. Обычно воспринимающийся как демонстративный реалист (иногда критический, иногда соц-), Григорьев, оказывается, вовсе не чужд постмодернизму. Он вообще ничему не чужд. Даже славе. Говоря о ней чуть выше, я был, признаюсь, не прав. Книжку-то его у меня, как никак, украли.

МИНИ-МЕМУАР

с Олежкой Григорьевым мы жили в сугубую «параллель»: сплошь повязаны общими друзьями – от Шемякина и Некрасова до «митьков» и Беломлинских, но общались крайне редко и мало: то он сидел, то пил, то прятался вообще, «богемного общества» Олег не любил, предпочитая визиты «семейственные», по друзьям, об выпить и почитать стихи на кухню а у меня с 70-го – был вечный тарарам, не до интима

помнится, в 71-м, перед отъездом Шемякина в Париж, он активно хлопотал по первой судимости Олежки, задействовав актёра-депутата Игоря Дмитриева, но это не помогло, дали срок «на химию», куда-то в Сланцы – и было «не до встреч»

потом Олег появлялся у меня, в 74-75-ом, и даже подрался с кем-то – но, что характерно, не в квартире, а – на лестнице

знал я его – как поэта «официального», детского – по первой книжечке его, «Чудаки», и как-то не рвался «собрать» – зачем?

и только зимой 1974-75 Андрюха Геннадиев, художник, приятель Шемякина, принёс мне тетрадочку «полу-взрослой» прозы Олега – какой-то дикий сюрр про ванну, – такой, коммунальный мрачок

я загорелся включить его в антологию прозы (уже сделанную в 1973-м, 23 прозаика Ленинграда, «Лепрозорий-23»), но Олег дико боялся каких-либо публикаций на Западе, и не дал

«ксероксов» в те годы в Совке не водилось, а фотографии микрофильмовали у меня не всё, да и изредка – не скопировал (а жаль!)

черновики ненаписанного романа Кудрякова, «Гран-Бориса», под названием «Продавец иглол» – я, к примеру (без спросу), успел

а потом, многие годы спустя, мне сообщили («митьки», вроде), что целый чемодан прозы Олежки какой-то гусь увёз, вроде бы, в Москву – и с концами

общение с Олегом мне как-то не запомнилось: стихов он не читал, а пить – и без него все умели

разве что – «об подрасться», да и то – говорю – мордобой учинил НА ЛЕСТНИЦЕ, а не в доме (как обычно) словом, «проморгал» я Олега – и в антологию было, практически, нечего включить – ну, в томе 2Б публикацию рассказа о детском садике в «Эхе» – без хвоста-концовки (неполная рукопись), но явно сделанную Хвостом (и с рисунком Доськи Шемякиной), да полдюжины детских стихов, в иллюстрациях Шемякина – и ша

зато потом за него плотно взялись «митьки» – и сделали групповую книжку стихов с рисунками, и массу публикаций газетного типа

а выставку графики и живописи его – делала моя старая боевая подруга Инесса Борисовна Капустина-Виноградова-Туркадзе-(и т.д.), помянув и меня «незлым, тихим»

и здесь, на Дзлаверщине, часто поминаем его – с Некрасовыми (Володька так и застрял на обложке книжки Олега, правда, зато – написал его портрет, и не один), с Беломлинскими –

начиная с Шемякина, Олежка был «друг моих друзей» и кончая «митьками» – коих я рукоположенный «зарубежный патриарх»

жив Олежка – как жив и Вася Ситников (по которому на днях закончен фильм, сделанный Андреем Загданским и мною), как Веничка, как все те, кого любили и любят

ПЕРЕВОДЫ : ДАЛИ ЦААВА

ТРИНАДЦАТОЕ КАПРИЧЧИО

Памяти А.И. Бродского

Не говори...
что упала судьба с неба звездою... и белоснежный
лотос
в горести замер... рассечена преисподняя мутным
потоком...
ждёт переправа Хароновым оком...

Не говори...
что ушла безвозвратно мечта... обезумевшая от горя
от ветров пустыни... безутешного плача Рахили...
слёзы бессилья путь заслонили...

Не говори...
что ждал ты напрасно... ртутью в руке
гиацинт серебрится... что луна сошла постепенно
в пасть Левиафана и сгинул остров блаженных...

Не говори...
что пройдены семь кругов... близится время
зимы и скорби... огненной серы и дыма Содомы...
Божья раба прощается с домом...

Не говори...
что испепелилась надежда... в царстве теней
дымятся печали... дьявольский голос поёт осанну...
чёрные раки ползут по бархану...

Не говори...
что и там не будет спасенья... свершилось всё
что обещано Богом... тело янтарной волною омыто...
земные грехи позабыты...

Не говори...
что и там вечная ночь... что став тишиною
тишиною томишься... я и так как в бреду и от
рожденья
жрицы халдейские мучаются в виденьях...

21 марта 2004

ВОСЕМНАДЦАТОЕ КАПРИЧЧИО

Памяти Татьяны Дышленко

Время иссякло... скоро рассеется ночь...
снежная госпожа холодная и безжалостная...
пройдёт зима...

Наступит рассвет... тайные свитки раскроет Фатум...
и в небе поблкнет вереница
блуждающих звёзд...

Время иссякло... скоро предстанешь ты перед Судом
и отразится в треснувшем зеркале...
унылый окрест...

Душу в печали утопит... напрасный зов...
ветвь отмерла... ни одного листка...
ни одного цветка...

Дерево скорби... опавшим будешь навеки...
чтоб только во сне увидали корни
зелень листвы...

К свежей могиле во мраке будешь идти... одна...
вот и светает... и без тебя
весна наступает...

27 марта 2004

Звезда была так себе
На всякий случай
Завернул в платок
Положил в карман

Мальчик выходит
Вышел
Узкая дверь
Кисточки на портьерах
Запах его пока не волнует
Что такое аллергия на пыль
На себе он не узнает
Иногда это красиво
Следы на полу
В свете юпитеров
Мокрая тряпка
И нет никого

Штопор не нужен
Сегодня лишь горькое пиво
До утра доживем
Там другие разборки
Пена на стол
Но уже зацепило
Треплется ветошью наш разговор бесполезный
Шторы задернем
Пусть ночь не спешит нас покинуть
Стеклянные скверы бутылок пустых
на полу вырастают

Вроде бы не было ничего
Ну так ничего и не будет
Сухое печенье
Следы от вина в стакане

Отскочить на обочину
От себя

Обойти тень стороной
Упасть невзначай в колодец

Разглядывать подняв голову
Летающее вниз ведро

Долго прислушиваться к короткому звуку лопнувшей цепи

Вытащить Луну из воды
За ненадобностью

Звезды в глазах

Новый год приходит когда ему вздумается
Сегодня под утро пробрался сквозь осенние тучи

Что с этим делать
Что делать

Муха замерла на окне

Жалобный крик где-то рядом

У меня много жизней
Отдам одну за полушку
Вторую проболтаю с пьяным поэтом
Он мне расскажет как тратить время
Еще одну на поиски третьей
или четвертой
Кто их считает

У меня много жизней
С собой не захватишь

Старый дед преклонных лет.
Тихо. Лунная дорожка,
а по ней бредет скелет
и качается немножко.

Старый дед. Во что одет?
Осень жизни безотраднa.
То, что было, того нет.
И не надо. Ночь прохладна.

Серебрится лунный свет,
ребра дышат, череп ноет.
И маячит старый дед,
как виденье неземное.

Никакого нету смысла
изучать слова и числа.
Тихий юноша, не плачь –
не найдет тебя палач,
не отравит душу скука.
Жизнь – печальная наука,
ничему не научиться,
можно только веселиться.
Если ты угрюмый хмырь,
можешь скрыться в монастырь
и о вечном и мгновенном
думать с видом вдохновенным.
Промелькнешь однажды днем
птицей в небе голубом...
Тихий юноша, не плачь –
не найдет тебя палач.

Как шахтеры из забоя,
мы выходим из запоя.
Слева Вова – справа Юра,
вот и вся номенклатура.

Ольга впереди, плутовка,
у нее есть сторублевка,
а у нас есть интерес,
мы идем наперерез.

Тяжело нам, как шахтерам,
с нашим старческим задором.
Слева Вова – справа Юра,
вот и вся номенклатура.

Плохая природа, погода и люди.
Тупые, больные и злобные рожи.
Не помнят, что было, не знают, что будет,
на что бытие их земное похоже.

Слагают легенды и ставят спектакли,
и фильмы снимают про русского Бонда,
который всесильный угрюмый и наглый,
коварный и хитрый, как анаконда.

Плохая природа. Ее не украсят
ни гроздь рябины, ни ветки березы,
ни сосны и ели, ни дуб или ясень,
пионы, тюльпаны, гвоздики и розы.

Живут на болоте в бетонных домишках,
пьют водку, иль потчуют чаем друг друга,
свободного времени тратят излишки,
и смертная всюду господствует скука.

Тупые, больные, ленивые люди.
Погода плохая. Природа – болото.
Не все ли равно нам, что было, что будет.
Не знали, не знаем, и знать неохота.

Как мне лежать меж вами хорошо
Нагие волосатые мужчины
Вы влюблены, вы колетесь щетиной
Вы отдаётесь телом и душой

Я обопрусь на чьё-нибудь плечо
Меня томят воспоминанья ночи
Мне хорошо, вы нравитесь мне очень
Мы непременно встретимся ещё

Зачем же вы хотите перемен
Мне также непонятно, что такое
Вас в наших отношеньях беспокоит
И что вы предлагаете взамен

Наивные смешные дурачки
Зачем искать для ревности причину
Не уступив другому половину
Один таит обиду и молчит
Другой к берёзе прислоняет спину
И вешает на веточку очки

В самом деле, когда мы приехали в Сьян,
Я спала на траве, накачавшись вина,
День уже пять часов оторвал от винта,
Был в моей голове удивительный план.

Я открыла глаза, и явился пейзаж
Теодора Руссо, кто-то скажет – Коро.
Меж кудрявых деревьев рыжебоких коров
Проецирует Лувр, наконец, Эрмитаж.

Среди зелени улиц сквозь пение птиц
В жёлто-бурой пыли черепичных крупниц
Виден выход пород вулканических скал.
Я пропала, никто меня и не искал.

Где ажурную тень из дубовых листьев
Узловатые ветви простёрли вперёд,
Мелководный поток в полдесятка шагов
По огромным камням перешедшая вброд,

Я сидела и видела выцветший мох,
Караулила вылеты синих стрекоз,
Покрывающих блёстками тел римский мост,
Златокрылых подруг застигая врасплох.

Мне землёю касаясь слабеющих ног,
Приглушая прохладой болезненный жар,
По колючему склону камнями шурша,
От усердия высунув белый цветок,

На пути повсеместных плетений плюща
Объясняясь со мною чужим языком,
Вся природа оказывала приём,
Выгорая на солнце и рыбой плеща.

Вдруг зажатой пружиной свернуться назад,
Где на тесной веранде сидят за столом
Вкруг приятной беседы о том и о сём,
Запивая вином неизбежный салат,

Чьих-то частных владений прилипчивый бинт,
Зубы сжав, отодрать от саднящих колен,
Ощутить разрушение башен и стен,
Выпить водки и снова каленку разбить.

В. Земских

1.

ты прав, Валера,
ничего не происходит, —
как прежде,
как всегда.

и даже если
покажется, — вот-вот,
сейчас начнется,
ещё чуть-чуть,
и всё произойдёт, —
глазам своим
не верьте.

в этой жизни
ничто вам больше
не грозит событием,
и думать
обо всем происходящем,
как о давным-давно произошедшем
я вам советую.

случиться
должно лишь то,
что происходит
единожды —
с последним вашим
вздохом.

...ну, а куда —
ничего не происходит
и, если верить,
не случится никогда.

2.

проснулся утром.
очень хорошо —
я жив
и н и ч е г о
не происходит...

Что есть, мой друг, палиндромон?
— Мгновенье замершее он;
сраженье времени с пространством
и вечности с непостоянством.

Двояковыпуклая речь
Как бы спешит предостеречь,
спасти от праздной легковесности
суждений о знакомой «местности», —
ландшафте слов, рельефе фраз...

И ракоход, как хризопраз,
сияет среди слов-бульжников,
напоминающих то книжников,
то фарисеев, то цветы,
растущие в лесу тщеты...

Слово рачье —
это слово
в самом полном смысле Слова.
Перевертень на плетень
Вечности
наводит тень.
Мгновенья Око — на века;
— само течение языка,
движение его крови
в пространстве-времени
Люби.

«ЗУМ» МУЗ

(музопалиндроморддилапозум)

— Я учу-мучу
за разум у Муму:
у «ЗУМ'а» муз
ума музу
уму Муму
за раз учу-мучу я.

Зараз учу за раз...

— А муза «ЗУМ'а»

кто — ОТК?

— Кат! Сам такой! О, кат-мастак!

Она — Маша.

— А, — шаман! О!

У! — Мария! — И раму?..

— Мыла.

— Калым?

— Стены! — Замужем. Ежу мазы нет-с!

— Кот Леты?..

— Тел ток!

— Улёт телу?

— О, телу — лето!

— Отелло?

— Ноль. — Лето!!!

— А музе — что, отче «ЗУМ'а»?

— Нет... А музе «ЗУМ'а» — тень!

красивая женщина
дорогой автомобиль
признак красивой жизни
а красивый автомобиль
дорогая женщина
разве не тоже самое
а если красивая женщина
плюс красивый автомобиль
что это
не понятно
красивый автомобиль
москвич
красивая женщина
вахлячка
каждому своё
и везде правда
а если дорогая женщина
дорогой автомобиль
автомобиль ягуар
женщина крокодил
жена
любовница
просто кто-то
и как тут быть
красивая женщина
красивый автомобиль
дорогая женщина
дорогой автомобиль
что это
ты шкондыбаешь пешком
я волокусь рядом
ты уродина
я тоже
но прости господи
тут ничего не поделатъ

в русском языке
много подспудного
особенно
в нерусских словах
например
минарет и минет
звучат почти одинаково
простите
господа мусульмане
за ваш рупор и символ
весьма фаллический
каланча есть каланча
ничего не попишешь
в самый раз
на всё забить болт
вот в минарете
и заложена мина
а в минете мин нет
хотелось бы
безопасного секса
но даже минет
не ручаюсь за орфографию
не даёт гарантии

поздно вечером
по улице бегал какой-то сумасшедший
стрелял из ружья
и кричал что всех убьёт
всех конечно бы не убил
но никто не хотел быть жертвой случая
все затаились
а он ещё пошумел-пошумел
и внезапно затих
утром хотелось узнать
что за человек
почему так себя вёл
но никто ведь не выходил
поэтому никто ничего и не узнал
все сделали вид
что ничего не случилось
а может на самом деле
ничего не было

БУКОВКИ

(Из позднего Северюхина)

Буквица, буквицы, буквы и буковки,

Знаки, значочки, значки

И на домах, и на маленькой пуговке –

Всюду мозолят зрачки.

Знаки, значки, логотипы и символы,

Броские тексты реклам,

Лозунги, хохмы, торговые стимулы

Бьют по усталым глазам.

Надпись на чашке и надпись на скатерти,

Ребусы мятых купюр,

Чеки, билеты, настенные граффити,

И шрифтовой маникюр,

Скромный пиджак, карандашик ли простенький,

Водка ль, к которой привык,

Всюду я вижу дурацкие прописи –

Марка, наклейка, ярлык.

Вот на заборе под снежную пудрою,

Там, где помойка и грязь,

Слева – китайская грамота мудрая,

Справа – арабская вязь.

Стены в подъезде, ну прямо фантастика,

Кругом идет голова –

Молот и серп, могодновид и свастика,

Дальше плохие слова...

Только в ночи, когда лампа потушена,

Буквы, как мухи, уснут,

Можно найти в своем сердце отдушину

Ради блаженных минут.

Я шевелю твои волосы рыжие,

Пальцы твои тереблю.

Знаю, под скомканной блузой увижу я

Крест и наколку: «Люблю!»

МОСКОВСКАЯ ОТТЯЖКА-98

(В стиле техно)

наращивание ногтей,
наращивание волос,
исправление кривых ног.
увеличение роста,
увеличение полового члена. Патент.

досуг.
магия любви.
девушки на работу.
аборты.
мощная магия.
девушки на работу.
аборты. Все виды.
мощное колдовство.
девушки на работу.
аноним, венеролог недорого.
на стрипконкурс эффект. дев.
решительных на работу.
аноним, венеролог быстро. Гарант.
дев. с 16 до 26-ти
ночная смена в клубе. Процент.

досуг.
шикарная баня.
досуг в шикарных саунах.
бар-кухня. Массаж.
экзотик-массаж.
сауна-бассейн.
сауна-коттедж.
евроотдых.
элитная сауна.
массаж любой и выезд.
дев. на раб.
дев. на раб.
все услуги.
все виды услуг.
новые услуги.
все виды досуга.
все виды массажа всегда. Александра.

досуг.
досуг для Вас.
досуг недорого.
досуг. Апартаменты. Дорого.
досуг. Быстро дешево.
досуг днем.
досуг всегда. Доставка.
досуг везде.
дев. на раб.
дев. на раб.
досуг ВДНХ (24 часа).
досуг шик. Бильярд. Стрип-шоу.
досуг «Ленинский проспект».
досуг «идеал». Доставка 30 минут.
досуг. Ассорти. Ждем звонка.
досуг. Выезд к Вам.
дев. на раб.
дев. на раб. и прожив.
досуг. Соблазн. Центр.
досуг «страна грез». Только для Вас.
досуг «Сказка Востока». Любкой каприз.
досуг. Юноши. Доставка.
досуг. Сауна. Юноши. Ждем.
досуг. Все виды.
досуг. Всё для Вас. Всё для Вас.

досуг. Аноним, венеролог. Стрип-шоу. Запой.
Экзотик-массаж. Дев. на раб. Дев. на раб.
Тай-массаж. Кож.-вен. заб. Аквасауна. Люкс.
Все услуги. Все виды. Недорого. Юноши. Днем.
Аноним. Абсолют. Круглосуточно. Юноши. Юноши.
Дешево. Дорого. Срочно. Аборты в день обр.
Центр. Стриптиз. Ассорти. Всё для Вас. Выбор.
Только для Вас. Бар. Гарант. Ждем. Везде.
Быстро. Шик. Выезд. Шоу. Доставка. Досуг.

0-0-0-И¹-Е

* * *

стихи сочинять не надо
они сочиняются сами
и смотрят на мир подлежащих
сказуемыми глазами

они расправляют крылья
летучим мышам прилагательных
метафор летит камарилья
на встречу винительных дательных

ОБЛОМОВ-БЛЮЗ

стихи пушистые как верба
вербальные листочки прут
башка ныряет будто нерпа
в о'мут

косноязычных лепетаний
непоявившихся стихов
лежит обломов на диване
из облаков
его влечёт шальная лира
в другую даль
внизу пшеницыной квартира
печаль
здесь больше нет обозначений
ни для чего
летит-летит ленивый гений
0-0-0! 0-0-0! 0-0-0!
0-0-0! 0-0-0!
0-0-0!

* * *

чёрные черви в белом овраге
строчки кривые ползут по бумаге

стелется-стелется слово-туман
мысли захлопнулся ржавый капкан

клюквенный сок в целлюлозном снегу
воет добыча в мозгу

хмурый охотник спускается вниз
вывеска яркая очень: «ЛИВИЗ»

РЕКВИЕМ

про африку не слышали давно
она должно быть исчезает
жарища астров пьёт вино
и айболиту денег на лекарства не хватает

там голод спид война бо-бо
жираф над моцартом рыдает
ведь чёрный человек не купит ничего
искусство...

* * *

русскую литературу
я товарищи любил
пышную её фигуру
много лет боготворил

делал выписки из книжек
сам чего-то написал
а потом от этих фишек
почему-то подустал

слово стало непонятно
буквы застыт белый свет
смысла масляные пятна
портят мой менталитет

* * *

ментальность
облака
балет
всё
потому
что
Бог
поэт
живи в творящемся стихе
кайфуй вися на волоске
0-0-0-й-е!

2004 г.

СПб Чёрная речка

1 И – вместо знака ударения

ВРЕМЯ-ВОДЫ

* * *

Крошится звёзд голубая маца
в чёрные блюдца озёр.
Этот спектакль сыграть до конца
нам предложил режиссёр.

Тихо по небу ползут облака
и петухи не кричат.
Правит свой бал мировая тоска.
Полночь. Апостолы спят.

* * *

Ноздря-вселенная и мальчик,
сидящий тихо у воды.
Он солнечный пускает зайчик
и не предчувствует беды.

Над ним нависло грозно небо,
реки мерцает полотно...
А был ли мальчик или не был
природе, в общем, всё равно.

* * *

Вот, время-воды протекают
в прозрачной простоте.
Не знают, Боже мой, не знают,
их вечность – дырка в решетке.

* * *

Когда строку дыханья-звука
пересекает вдруг звезда,
ещё острее наша мука,
ещё таинственной вода.

В ней тихо плещет неизбежность
земной любви.
Плывёт в лодчонке ужас-нежность.
О, се ля ви!

* * *

Любите мыльных пузырей
свободные паренья,
игру зверей,
стихотворенья,

шум набегающей волны,
зелёные листочки...
Вы всё-всё-всё
любить должны
от соловья
до сингулярной
точки

* * *

С цепи сорвались электроны
и заскрипел песок в судьбе.
Физиологии законы
вдруг открывает вещь в себе.

Свечою оплывает тело.
Зубов разрушен Парфенон.
Уже ложится тень предела.
Змея ползёт. Лаокоон.

* * *

Б. Шифрину

Вот, молекулы сверкают
в теле стареньком моём.
Что они об этом знают,
размышляют ли о чём?

Надо с ними подружиться,
выпить грамм сто пятьдесят,
а потом пойти к девицам
щупать атомный фасад.

Расспросить про электроны:
что да как и кто кого,
эрогенны ль пю-мюзоны,
кварки плачут отчего?

Где кончается природа,
начинается ничто,
что такое есть свобода,
космос, может быть, пальто?

Неужели примириться
с этой тусклою судьбой?!
Человеком быть, синицей,
или стать самим собой.

* * *

Деревья – застывший ветер.
Люди – это вода.
Путь человека светел.
Тело его – труба.

Мчатся по ней потоки
элементарных частиц.
Господи, эти уроки
так тяжелы для тупиц.

* * *

Одомашнивают Бога
много сотен лет подряд.
Ерунды скопилось много
у ребят.

Бог – строптивная скотинка:
ветер в стойло не загнать.
Жизнь наша – порошок.
Ей назначено витать.

САМИЗДАТ

ТЕКСТЫ • ФАКТЫ • КОНТРВЕРСИИ

САМОВОЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Поэт уходит в самоволку от обязательств вседневного существования. Поэтам вообще свойственно самовольничать. Они и поэтами становятся самовольно, это уж потом подтягиваются доказательства не напрасно потраченного времени, бумаги и слов. Современники не всегда успевают понять и оценить достоинства не отрекомендованных авторитетными ценителями текстов, иногда поэт уходит из жизни раньше, чем читатель успевает вчитаться в его стихи. Трагедия непонятого друзьями Кюхельбекера была искуплена стараниями Тынянова, заставившего век спустя полюбить тяжелостопную музу русского Клопштока. Нынче не всякий автор может надеяться не то что на внятный анализ творчества, но даже на простую рецензию. Раздел САМИЗДАТ предлагает вниманию читателей никогда прежде не публиковавшуюся главу из поэмы Евгения Вензеля, стихи одного из самых глубоких поэтов нашего времени – трагически ушедшей из жизни Кари Унксовой, раннюю поэму Владимира Эрля и живой отклик молодого исследователя литературы на книгу стихов Виктора Кривулина «Стихи после стихов», отклик тем более ценный, что он был одновременно с написанием поэтом книги и являлся частью переписки поэта и его читателя.

САМОВОЛКА

(из поэмы «Домик у столовой»)

Солдат никогда не знает, да ему и не положено, куда и зачем его пошлют или отправят: плюнут, поцелуют или к сердцу прижмут. Он, как всякий человек толпы, живет слухами. Сразу после нового, 1967, года, я узнал: «Возможно, весной, будут стрельбы, на Ладоге». Сердце ёкнуло: это же под Ленинградом!.. Так. Через две недели, обескураживающее: «Стрельбы отменили. Никуда не поедем». Через месяц: «В марте будем под Ленинградом». Спросил у капитана Шварцмана, помощника начальника артиллерии; тот уклонился. Спросил у Власенко, этот улыбнулся: «Ждите. Объяснят». Я подумал: «Это было бы слишком хорошо», и перестал ждать. Сборы на стрельбы начались в апреле; чистка пулеметных лент керосином, окраска тягачей, выбивание каменной грязи из траков и шантаж со стороны непосредственного начальства: будешь вести себя хорошо – возьмем, нет – пеняй на себя. Я понял: если окажусь в районе Невской Дубровки – побываю дома: никто и ничто не сможет остановить меня. Это, наверное, и есть вера. В том числе религиозная. С этим и ждал дня отъезда. Технику крепили на открытых платформах. Шел рассредоточенный снежок. Ехали в теплушках. Молодежь бегала с термосами к платформе с походной кухней во время спецстановок. Дежурный офицер по эшелону. Сержант: «Ты и ты: за ужином». – «Почему опять я?» – «Поговори у меня еще, салобон». Ехали от мороза к теплу. Пару раз я был в наряде по кухне: мыл котлы, орудуя поварским скребком, воды в обрез. Взводу отвели домик, уже наполовину заселенный. Вечером – наряд на кухню. Я понял: это оно. Тех, кто в наряде, не ищут на вечерней поверке. Кто-нибудь ответит из строя: «Он в наряде». Дежурным по кухне был старшина из другой части. Я к нему: живу в Ленинграде. Вымою котлы – хочу до утра уехать в город. «Привези две бутылки водки; я тебя прикрою». – «Хорошо». Электричка дрожала у перрона. Опасаясь патруля, я лежал в кустах, пока щелкнув и искранув пантографы не встали на место. Оказаться в вагоне было делом нескольких секунд. Осмотревшись в поисках оперативного прикрытия, я выбрал в качестве такового нескольких девочек пэтэушниц; после короткого объяснения я сел между ними и был прикрыт их пальтишками так, что даже сапог не видно. Ехали мы молча. Чтобы миновать здание вокзала, я прыгнул с перрона влево и ушел назад между путей, чтобы выйти к остановке такси. Дома был встречен настороженно. Когда я переоделся в свое, пошли с отцом за водкой. Он вернулся с авоськой, а я пошел гулять. Сел на «34». Вышел на углу Инженерной и Садовой. Сыро. Позвонил маленькой черненькой девочке. Нет никого дома. В одиночестве выпил кофе на Малой Садовой. Погулял еще – и – трезвый домой. Утром отец сунул в карман пиджака свой воинский документ, завернул «Зубровку» в газету, пакет опустил в авоську. На вокзале он купил билеты до Невской Дубровки. Патрульный офицер заметил нас, конечно, всё понял, но пропустил. На перроне в Невской Дубровке отец хмуро сказал: «Больше так не делай». Я нашел старшину, тот вскрыл кухонным ножом банку мясных консервов и налил мне три четверти кружки «зубровки». Ветер. Сырость. Закурил и пошел отдыхать после наряда. Проснулся. Горло болит. Кто-то задал вопрос: стал отвечать – ничего не получается, пропал голос. Болен – в санчасть! Оказали помощь. Осмотрелся, освоился – все свои. К вечеру, форма одежды сборная: больничные штаны цвета Сены у Марке, сапоги, пальтишко, шапка с ушами – в Ленинград. Отец отвернулся, мама сказала: «Доиграешься ты, Женя!...» Прогулялся по Невскому. Вернулся в санчасть. В сборной форме одежды вечером уехал другой ленинградец. Вернувшись в строй, надоедал своему лейтенанту и начальнику артиллерии подполковнику Подковырову: все, мол, уже было дома, а я? Обидно, мол. Помурыжили, но дали увольнительную. С каждым апрельским днем становилось теплее. На солнечной стороне улиц припекало. Жалко только, что не видел, как наши ЗПУ-4 стреляют по колбасамбаллонам, которые на канате тащат самолеты. Наводчик одного из наших расчетов попал в колбасу и получил отпуск. Командир расчета тоже.

ПИСЬМО ВИКТОРУ КРИВУЛИНУ О «СТИХАХ ПОСЛЕ СТИХОВ»

Каждый раз получая емейл от Виктора Кривулина, я поражаюсь полному отсутствию снобизма у этого человека. Его письма мне льстили. Неважно, что наши родители были друзьями, неважно что я что-то там говорил на семинарах и писал в журналах о послевоенной питерской поэзии. Неважно, что мы были во многом не согласны и ожесточенно (с моей стороны) спорили. Каждое кривулинское письмо удивляло: «Настоящий поэт – а пишет мне». Я смотрел на него снизу вверх, возможно, именно из-за его демократичности. В моем почтовом ящике «Кривулин» нет рассылок, т.е. он обращался всегда лично ко мне. Как и ко многим-многим другим. Весь 1999 и 2000 годы он слал мне стихи и статьи. 16 декабря 2000 г., за 3 месяца до смерти Кривулина, я получил от него почти полный текст сборника «Стихи после стихов».

Я привожу здесь мой ответ Кривулину вовсе не потому, что считаю очень умными свои суждения, тем более, в необработанном жанре письма. Серьезно говоря, надо бы сделать из них статью, но почему-то теперь это неловко. Это просто отрывок из переписки. Реплики Кривулина – его стихи. Впрочем он ответил на мои разборы – очень кратко: благодарил и надеялся, «что мы еще поговорим обо всем этом при более благоприятных обстоятельствах». Я тоже надеюсь.

Дорогой Виктор Борисович!

Странное дело: прочтя многие известные мне уже из Ваших стихов в «большом корпусе», я вынес совершенно новое впечатление, несравненно более глубокое и сильное, чем раньше, когда Вы посылали их малыми порциями. Мне кажется, книга будет очень, очень мощной.

Только мне нравится в Ваших стихах, как я подозреваю, совсем не то, что нравится в них Вам (памятуя наш разговор о выражении «коллективного бессознательного эпохи»). Вы не просили меня писать подробно: это скорее моя потребность.

У меня вышло что-то вроде самоанализа: я буду приводить стихи, особенно удивившие меня, и пытаться разобраться в природе своих ощущений.

Эпиграфом этого сборника могло бы, как мне кажется, быть Ваше стихотворение, не вошедшее в него, из книги «Реквием»:

*О как нас книжило со Стёпкой Малларме!
На ледериновом – снежинки – переплете
Не таяли, как будто в переводе
Б. Лившица, убитого в тюрьме,*

*Уже таился подлинный, буквальный
И запредельный холод. Рядом с ним
Из лесу выходящий Серафим
Саровский в белой радовальне, в дальней
Обители, середь Господних зим
Был ослепителен, сиял, как тьма во тьме,
И, звёздчатый, в лицо ему летя,*

*Не таял снег на веках и щеках.
Чего ж еще хотеть? И, столько лет спустя,
У века спрашивать о вечности, о сроках?*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СТИХИ ПОСЛЕ СТИХОВ Тексты 2000

*кому итоги а кому и так
непроходимый страшный суд
как бы не выключен видак
хотя экран разбит
динамик вырван с мясом вон
но свет и звук живут
а лента шелестит
для зрителя иных времен
или иных планид*

Это, конечно, часть целого, но мне кажется, она как-то воспаряет надо всем, снова и снова вспоминая Малларме, его стихотворения в прозе, и ваше немислимое стихотворение о нем из «Реквиема». Повседневность, в каком-то отвлечении, полусне начинающая звучать песенкой/музыкой сфер (планид-планет?)

*дваждырожденное утро
начало всего
что начинается или когда-то начнется
просыпаюсь от ослепительной боли
спайка летнего солнца с легким дождем
склейка монтажная
ножницы скотч –
и по живому
без морфия без морфея
другие жизни и другие смерти
моя среди них младенец
еще играющий в предсердьи
как человек из полотенца*

*неловко сшитый
без глаз – но кукла
и ничего-то не прожито
а так, припухло*

*игла споткнется и уколom
ее разбужен
себя ли я увижу голым
и распеленутым – и вчуже*

или с тобою

*лежим переплетая руки
ну точно дети
с родителями не в разлуке –
в том, синем свете*

Здесь я начинаю задумываться, насколько умышленны ваши медитации. Или так: начинаете совсем рационально, с полным контролем над материалом, а потом отдаете себя, не знаю, как Вам ближе, — речи, музыке, световому потоку (это о синем цвете)?

*русский флаг еще вчера казался красным
а сегодня сине-красно-бел
но приварок цвета не указ нам
те же мы кого когда-то на расстрел
уводили на рассвете конвоиры
кто расстегивая кобурку
по ночам врывается в квартиры
и кровавым следом по ковру
тянется из той литературы
что с лотков у станции метро
начисто исчезла как задули
ветры новые – не ими ли смело
красный мусор мусор белый мусор синий*

Это уже прямо соотносится с тем Вашим, о Малларме (кровавым следом по ковру тянется из той литератры). Мне кажется, что Вы единственный поэт, для которого литература обладает без шуток онтологическим статусом, как, скажем, Бог или любовь — не язык, не культура, даже не поэзия, а именно литература. Вы, наверное, со мной не согласитесь, но самое проникновенное, самое историческое, «не литературное» у Вас — почти всегда о литературе.

*нету еще слова штурм
шум сраженья гвалт ордынский
схватка Репы и Редиски
победитель Скопин-Шуйский
под Изборском
на коне как маршал Жуков
пушки пушки против луков
пушкин будущий в уме
луч во тьме
зря он пишет англичанин:
Русь во тьме
жили утром хоть и хмурым
спать ложились на заре
пятками к литературам
теменем к печной золе*

Последняя строка здесь поражает, особенно в сочетании со всем предыдущим (прямо-таки страшным в этом бормотании, «пушкин» — как «какой-то путин»). Это жуткое продолжение одной из тем Бродского: «Собака лает, ветер носит, Борис у Глеба в морду просит», что, впрочем факт истории литературы, и не касается моих оценок).

*топорное теперь
бетонное вчера
и лазерное послезавтра
и нету ничего как только ты за дверь
в окно влетит имперская пчела
она хозяйка здесь хотя и полосата*

*она кружит по комнате пустой
над блюдцем обведенным золотинкой
с вишневой пенкой
ей нету ничего лишь ответ золотой
лишь граммофон вертинского за стенкой
жужжанье тонкое то леннона то стинга*

засахаренный мед
хиты былых времен
где нас никто не ждет как мы их ждали
где нету ничего и сами не поймем:
да есть ли что-то что и глаз неймет
глаз не фасеточный а солнечный с дождями

Об этом стихотворении трудно писать, но, кажется, сильнейший эффект его в том, что непонятно: то ли ток времени, то ли отделенность человека от времени (и значит обречен на вечное безвременье — или на вечность). Простите за мутные выражения.

ПРОМЕТЕЙ РАСКОВАННЫЙ
на своем на языке собачьем
то ли радуемся то ли плачем
кто нас толерантных разберет
разнесет по датам по задачам
и по мэйлу пустит прикрепив аттачем
во всемирный оборот

зимний путь какой-то путин паутина
мухи высохшее тельце пародийно
в сущности она и есть орел
на курящуюся печень Прометея
спущенный с небес – и от кровей пьянея
в горних видах откровение обрел

оттащите птицу от живого человека!
пусть он полусъеденный пусть лает как собака
нету у него иного языка!

летом сани а зимой телега
но всегда – ущельем да по дну оврага
с немцем Шубертом заместо ямщика

путь кремнистый путь во мрак из мрака
в далеко издалека

Эти стихи мне показались очень человеческими, именно в их ироничности. Что-то даже слышится от “романтической иронии” (не даром Шуберт с Прометеем), но сильно очеловеченной тоской и паскудством нашего холода. Мне пришлось много раз прочесть эти стихи и походить с ними в голове, чтобы все это почувствовать.

ВОЙНА В СТАРОЙ СТОЛИЦЕ

в центре бывшей империи зябну
скоро совсем захохлюсь и перейду на щебет
заговорю по-ханьски
с пьяницей Бо-цзю-и

здесь уважаемый на месте старой столицы
среди чкурчуженей и северных шу
мы живем как в пограничном гарнизоне
я и стихов давно уже не пишу

так, записки начальству о состоянии нравов
да и то белой тушью по синей бумаге
слишком тяжелой и плотной
для полнолунных бесед

все о том же – о состоянии нравов
о ветрах восточных они всегда под рукою
за воротом и в рукаве халата
и в иероглифе ночь

уголья на железной жаровне
остывают как синева под ногтями
у солдата из новобранцев
откуда набрали таких

большие войска разбредаются по округе
чем воинов гуще тем ночи темнее
дни короче зато прозрачней
суп-лапшевник

варвары любят шелк и едят на тонкой посуде
мой терракотовый чайник их не прельщает
грубая красная глина эпохи Циней
где ей здесь настоящий ценитель?

Это очень молодое стихотворение (пожалуйста, не обижайтесь)! Вы в 69-м, скажем, писали совсем по-другому, но оно как будто именно из той эпохи. Но, конечно, его актуальности это не в ущерб (ведь по тоскливому чувству стиля эпохи отчасти перекликается с Вашим «На конкурсе поэтов» [см. ниже])?

РАЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ БЕЗ ПОРТРЕТА

беглый холодный огонь
предваряет вползание Дракона
из тысячелетья другого
где уже ни о ком

ничего-то в сердцах не сказать
ни хорошего брат ни дурного
да и полно вам нищую душу терзать
и склонять сокрушенное Слово

рай вещей обещающая
клонированных овец
бессловесное стадо в долине

он с коротким лицом Человеколовец
не успеешь запомнить – какой бы ни виделась длинной
жизнь земная

А эта строчка (про брата) не ответ ли на стихи Чейгина, процитированные Вами в статье о спиритуальной лирике: «Что же смертного, брат, что же смертного ты мне расскажешь?»?

НА МОТИВ ДОСТОЕВСКОГО

смирился гордый человек,
со всем смирился
все так бы до смерти ему
смотреть с прищуром
на смутный снег
на крупный снег смоленский
на слепленный из тьмы
и взятый контражуром
слепающий силуэт

Тут мне особенно дорого колебание между общей мыслью (философской, историософской), лирическим – “мимо-летным” и медитативным. Где что – неясно. И в этом вся сила, мощь, изящество.

2000

как бандюга из майами
в бежевом кабриолете
мимо беженок чьи дети
с бомбой возятся в кювете
катит год с тремя нолями
с гордым видом с мордой стремной

где-то шорох костоломный
слабослышащих мужчин
рев совсем других машин

бесконечные колонны
лет поворотивших вспять

Опять странное дело: когда стихотворение появилось, мне оно не понравилось. Но прошло это расстояние года, и я что-то такое в нем услышал, “бесконечны, безобразны” — тоскливое чувство пути в хаосе.

БЛИН

такие вот брат блины
глядя со стороны

то ли полет шмеля
то ли парад планет
тихий дурак поет
шумный дурак шумит
да и мы неумны
слушая то и то
как бы с той стороны
где подкладка пальто
перелицована в плащ
с кровавым подбоем, блин

И вот снова — будто отстраненность, будто взгляд не только со стороны, а издалека, с той стороны даже, а там “кровавое”, это стихотворение как лейтмотив всего (будто вложенный в чужую речь, чужую “подознанку атасную” (Стратановский) — но тем более Ваш).

МЫ ЗДЕСЬ ПО-ПРЕЖНЕМУ

пропади они пропадом говоришь
ну и что?
они и пропали

мы-то по-прежнему здесь
мытари и полудурки
сволочь Богоспасаемая

сволочь а до чего Ему жалко –
даже подумать стыдно

Здесь меня притягивает, что можно прямо-таки все просто так сказать! И выйдет поэзия. Это удивительно.

НА ЧУКОТКУ

умерли не все - но изменились
кажется что все кого я знал
словно бы заранее простились
с цепью фонарей уроненной в канал

и отправились – кто степью кто чугушкой
кто по воздуху пройдя через магнит
на чукотку жизни где звенит
вечноюный снег а древняя трава

расступается и обнажает вид
на блаженные чужие острова
за проплешиной родного океана

Это одно из лучших, на мой взгляд в книге. Даже объяснять не хочу.

ИЗ ГЛУБИНЫ

обыватель гладкошерстный
глядит с явной неприязнью
на курчавые на перстни
выходца из Прикавказья –
и айда к себе на службу
в институт ксенофобии
в тишину серо-жемчужну
в глубину где молча били
бьют и будут бить покуда
мир не потеряет цвета
став прозрачным как цитата
но и горьким как цукута

ПЕРЕХОД НА ЛЕТНЕЕ ВРЕМЯ

яд – сократу мед – платону
нам бы солнышка да пчелку
или кошку на окне!

зря держали оборону
заряжая как двустволку
книгу взятую с плеча

не держал я оборону
не прилаживал двустволку
у плеча и страшно мне

что вокруг сезон охоты
прошивают вертолеты
воздух – царскую парчу –

для нагой своей свободы
строят платье из погоды
райской – дескать, облачу

в солнце, празеленью трону
и гуляй себе в траве
но цивильно по закону

Государство – по платону
время суток – по москве
время летне время оно

Великолепная пара – эти два стихотворения, и снова главное в них для меня – неразличение между тоской почти психоделической (человеческой, звериной, литературной?), историософией и человеческим лирическим голосом!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СТИХИ ПОСЛЕ СТИХОВ Тексты 1999

МИЛЛЕНИУМ НА ПЕРЕСМЕНКЕ

кто пил из черепа отца
кто ел с чужой тарелки
но тоже не терял лица
не портил посиделки

и даже кто не ел не пил
а просто был допущен
стоять на стреме у перил
да кланяться идущим

на пир ли с пира ли где спирт
с бандитом жрал есенин
где мордюю в салате спит
испытанный хозяин –

все провожая каждый год
в небытие к монахам
как радовались мы что вот
живем под новым знаком

год уходил а век торчал
с новорожденным студнем
в обнимку и мороз крепчал
и штамп стучал по судьбам

он пропуск выписал себе
в тысячелетье третье
по блату, по глухой алчбе
по страсти к малым детям

и думаешь после всего
что он сплясал на цырлах
отпустят белянским его
с переговоров мирных?

Это очень редкое стихотворение, потому что оно по-настоящему, без дураков достойно гражданина, и не столько в каких-то своих реалиях, а в интонации, в общем тоне такой сдержанной страсти. Я очень его ценю, а особенно последнюю строфу, которая, как мне кажется, войдет в историю

ТЕКСТ

текст говоривший мне: умри!
так тяжело теперь так жалко умирает
а я живу еще. я у него внутри
живу и радуюсь пока редактор правит –
заглядывая в словари –
нас не уравненных со Словом
ни в пораженьи ни в правах

текст притворявшийся готовым
законченным, на головах
покоящимся до скончанье века –
теперь поплыл...на берегах его
что ни руины – то библиотека
что ни жилище – пусто никого

народ сбежал за бессловесным хлебом
за горизонт где сходится земля
пускай не с тем седьмым последним небом
но с чем-то вроде задника на сцене:
аляповато-яркая заря
холодные косые тени...

зато накормят и не спросят ни рубля
ни даже полкопеечной цитаты
из текста умирающего в нас
как безымянные солдаты
под легкий веселящий газ

Вот еще одно о литературе, как мне кажется (а история уже в ней)! Еще раз приходит мысль об основном смысле книги: как эти история и литература жутко перетекают друг в друга (“и кровавым следом по ковру тянется из той литературы”) и как не оторваться от этого зрелища.

хоть бы кто
хоть бы кто-нибудь хороший
к нам пришел бы и сказал:
жить не страшно жизнь короче
приснувшего от зеркал

зайца солнечного... что ж ты
поворачиваешь вспять?
взяли банки взяли почты
взят вокзал – чего с них взять

пусть берут-перебирают
да только окна отворят –
сразу арфы заиграют
и гитары зазвенят

Тут возникает какая-то легкость, которой, как ни странно, все больше с последними годами в Ваших стихах. Это как бы другой полюс – верленовский, а не маллармо/евский.

ОКОЛО

около Куоккалы
не летают соколы
сколько бы ни звали их –
не живут в развалинах
где лягушка квакала
где сова аукала

ничего высокого –
ни звезды ни сталина

и кому Куоккала –
кошка промяукала, –
и зачем Куоккала
если нету пугала

ни вокруг ни около

Есть какая-то внутренняя логика в этом ряду: кошка – сова – сокол – лягушка – дача – Суоми – ель – запустение – звезда – Сталин – пугало (северный модерн с его безобидной инфернальностью, получившей другие обертон со времен Чукоккалы, после всего что было за век).

ДОЛЛАР НА СТОЛБЕ

темные великороссы
(хуже некуда идти)
у метро торгуют розы
вымерзшие до кости:
«доллар мать его ети!»

доллар сытый и матерый
с мордой пьяного монтера
среди одурелых толп
лезет на фонарный столб –
«дяденька а свет-то скоро?»

лыбится победно сверху
вознесенный к небесам
сей недостоверный беркут
или как его...сапсан:
«будет - не бойсь пацан...»

Я уже писал Вам о том, как мне сразу очень это понравилось, связавшись со «Вновь богатый зол и рад...». (Хотя, вероятно, Вам эта отсылка к «серебряному веку» не покажется комплиментарной). Но, по-моему, эти стихи — как раз то, чего мы все ждем от современного урбанизма.

СТОЛИЧНЫЙ ДИСКУРС

боюсь я: барт и деррида
не понаделали б вреда
они совсем не в то играют
что мне диктует мой background

но михалков-маршак-барто
вот наше подлинное то
откуда лезут руки-ноги
киногерои недобогои

что ж получается в итоге
что весь новомосковский стиб
не гвоздь в иноязычный гроб

не ключик найденный в дороге
а мальчик тронутый убогий
от папы-адмирала в лоб

за слово скважина когда-то схлопотавший
и ставший старше

Помните, Вы говорили, что поэт должен заниматься еще и эссеистикой? Так вот это и есть лучшая форма эссе, и по краткости, и по остроумию, и, главное, по прямоте-простоте слова.

ЛЮДИ В ЖЕЛЕЗЕ

люди в железе и люди в пластмассе
муха подробная в янтаре
яблони выросшие на марсе
плодоносящие в январе
всюду смолисто-железистый привкус
зубодробительного плода
плещется плексус и пылится фикус
не поливаемый никогда
ни людьми в железе ни людьми в пластмассе
ни детьми их наклеенными на жесьть
а механизму который сломался
место в музее все еще есть

Ритм этого стихотворения – искаженная цитата из «Снегиря» и «На смерть Жукова» — или нет? Но это не так уж и важно. Потому как сочетание ритма и зрительных образов контрапунктическое, захватывающее, ветер в лицо.

НА КОНКУРСЕ ПОЭТОВ

заплутавшие в музах
поэтессы в рейтузах
и поэты в бахилах

от словесных бацилл их
лишь першение в горле
клекот якобы орлий
прерываемый кашлем

а и вправду не дашь им
хоть какой-нибудь возраст

жизнь пошита на вырост
гуингнамова шерсть
лилипутова сырость

Это снова к разговору об эссе. Вот такие буквально эссе и должны быть – не длиннее ни строчкой.

В ДЕНЬ КСЕНИИ-ВЕСНОУКАЗАТЕЛЬНИЦЫ

О весна без конца и без края!
Без конца и без края мечта...
А.Б.

время тмится на часах без циферблата
вот уже и первая седмица
февраля и пленного солдата
вывели менять на пойманную птицу
на диковинную птицу-адвоката

и не спрашивают нужен ли защитник
время тлеет на часах без циферблата,
и хрипит их рация пищит их
частота нечистая от мата
а весна – весна мне только мститяся!

без конца блок-посты и без края
вечная мечта – растаять раствориться,
отлететь резвяся и играя
в даль безвременья в надмирные станции
в бой часов без циферблата

А это то же, но в музыкальном, не рассудочном ключе, такая тонкость, о которой трудно даже высказываться

ДУШНЫЙ ВЕТЕР

душный вечер закавычен облаками
отраженными в невидящих озерах
это может продолжаться хоть веками:
переплески перепевы смутный шорох

гром не грянет даже ежели и грянул
ливень рушится – дожди стоят стеною
рано спать еще а умирать не рано ль
рано высветлело озеро лесное

вас там нету как во сне где все иначе
нас там не было близ мокрого настила
по-над пристанью правительственной дачи
как восстало небо как перекосило

ту недолгую симметрию и скуку
что казалась бесконечной безначальной
тишина опознается лишь по стуку
то ли дятла то ли дядьки с молотком

гром не грянул и на крыше он верхом
прибивает молнию к фанере золоченой
к телу праздника – туда парадный вход
звездовидными гвоздями заколочен

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАТМЕНИЕ

белая на балконе кошка
завыла совсем как собака
на луну заслонившую солнце
на затмившую солнце луну
последнее в нашем тысячелетьи
затмение
пасмурный Полдень

И это снова и очень сильно про время, так что даже некоторый озноб ощущается, именно от сочетания этих двух стихотворений: в духе Малларме и в духе Верлена (что, конечно, несколько огрубляет картину, но дает мне некоторый язык для описания Ваших стихов).

Простите за упрощения. Спасибо.

СЕМЬ ПЕСЕН ЕДИНОЙ ПЕСНИ

Душа моя изыде в слово его.
ПП

1

Развилася душа, как древле свиток
В руках у растворенной Суламиты,
И письма горят... Любовь моя!
Тебе, одной тебе грёз преизбыток!
Смотри насколько мы с тобою слиты:
Не различу где ты, где мы, где я...

Твои уста – уже мои глаголы,
Объятья – плен языческой Валгаллы,
И вся ты – необъятность всех имён,
Какими человек венчает доли,
Моря и реки, небеса, прогалы,
Холмы и дали, глубину времён.

И звёздна вся необозрима бездна,
Меж нас вися, сжимается издохом,
В котором эта речь помещена,
И что мне в том, что жалость безвозмездна,
Когда одним твоим лишь дивным вздохом,
Я называю жизни имена!

2

Един Господь, Един и человек.
Ты предо мной, любовь моя, развита,
Как свиток Песни песней – Суламита,
И это – я. Да сбудется навек!

Приди! Гортань моя тебе открыта
Алтарным сводом, Слово издохни!
И вознеси горе сад алфавита,
О, альфа и омега, alma vita,
Златого семисвешника огни!

Душа моя, душа твоя прекрасна!
И это я? Каков же наш Господь,
Когда глаголом стала тварна плоть
И мощь её в твореньи не напрасна!

3

Прильни ко мне, о, счастье, Суламита!
Я – речь твоя, изустная хвала
Устам твоим, но мною не испита
Их чаша, что для нас одних налитой
Взойдя, ещё вина не пролила.

Так поднеси её! Палимый жаждой,
Я жду, исполнен слова и дождя,
И на моём челе из тучи каждой
Готово польхнуть, настолько стражду
Я по тебе, разрядами грядя.

Я – речь твоя. Ты – песнь моя. И оба
Мы – устье двух протоков – слитный ток,
И в нас отражены все звёзды неба,
Сопряжены Эдема и Эреба
Всемирные струи, речей восток.

Так слушай же, внимли, о, Суламита!
Я – речь твоя, грозовой аквы грозд.
О, как нежна, о, как же пламенита!..
Которая из них твоя ланита?
О, как же я перед тобою прост!

4

Душа твоя в моём едином слове.
Войду в неё, и вострепещет вся.
Ты – песнь моя, и, душу вознеся,
Жизнь прелестью пресуществляешь внове.

Дыхание, пчела, о, Суламита!
Не Соломон – язык его поёт –
Амброзия и яды алфавита
В гортани всеславянского пиита –
Слящийся и правселенский мёд.

Смесилась речь с дыханием, и песнью
Исторгнута гортанная хвала,
И расточилась вдруг уже не в пёсю,
Но в братнюю привязанность и спесью
Уже с тех пор язвима не была.

Смирилася семитская гордыня
И в слове русском выструилась мне,
И с греческою лирой наравне
Передо мной беседует отныне.

О, Суламита! Как растворена
Душа твоя! Как мысль моя пьяна!
Как я люблю тебя, о, Суламита!
Как песнь моя тобой распалена!

5

Войду к тебе, и мощью первобытной
Дохнёт в лицо душа твоя навстречь,
И образ твой с мечтой моею слитный
Пройдёт меня оружием, как меч.

И, поражён, воскликну, – Аллилуйя!
Прекрасна ты! Божествен этот мрак!
В нём от страданья к счастью только шаг,
Но страшен сдвиг за миг до поцелуя.

Какая тьма в глазах моих клубится!
Любовь моя! Ужасен этот смерч,
В котором ты, как в море голубица,
Какой меня преобразует в речь.

6

О, песнь моя! завихренная роза!
Ты – выдох мой, и тут же долгий вдох.
Вся – воздух, трепет вся, точь-в-точь стрекоза...
Тебя вдохнул в меня никто, как Бог.

Дыши во мне, душа, о, Суламита!
Пьяни, пеняй и пенься через край!
Вся плоть моя, вся жизнь тебе открыта,
Лишь этой розой надышаться дай!

7

Распнися, жено, предо мной, развейся
Душой моей и надышаться дай
Тобой, одной тобой, но оправдай
И эту плоть мою, и мощью влейся!

Я – твой певец, хвала твоя, певец,
Хвала твоя, и эта аллилуйя –
Лишь ты сама во власти поцелуя,
И в нас поёт незримый нам Творец.

19.2.73.

Сосновая Поляна

Зачем зачем мне тратить жизнь
 На эти мелкие дуэли
 Когда б и так погиб в бою
 Когда всё рушится гремя
 Не оставляя ни следа
 Зачем зачем мне тратить жизнь
 На эти мелкие дуэли
 Когда б и так погиб в бою
 Под славу мирного дуэта
 И три печальных силуэта
 Несли б меня. А тут – дуэль.
 1949

Грин грин
 Зеленое
 Трень-тень-тень
 А сине!
 Мальчишки в лужах,
 Парочки в крапиве
 Тьо
 Розовые десенки щенка
 Кирикуку
 Кокнулось яичко
 Вышел месяц из тумана
 Вынул ножик из кармана
 Буду резать буду бить
 Все равно тебе водить
 Ммммну милая ну милая не бойся
 Тьо тьо
 Ну и май!
 Си рень рень рень
 Рас кры кры кры
 Пот пот
 Айя айя
 Май.
 1972

СОЛОВЕЙ

Что вот есть в соловье?
 Беззаветный уверенный голос.
 Ищут стаи лесные
 А он же находит вполне
 И бесстрашно ныряет
 И холод находит на дне
 И межзвездный узор протыкает
 Тончайший как волос.
 Кудреватый арап
 В царскосельских медвяных садах
 Напоен и напитан
 И прислан в наш лес отдаленный
 Чтоб силок получить
 Или пулю в пернатый висок
 Или солнца алкать
 В неразрывных морозных тисках
 Или дальше лететь
 А сюда заглянуть на часок

Или камнем летать
 Или песни плясать
 Или – петь.
 1972

Вот продавив тяжелое пространство
 Над хутором приподнялась луна.
 Два дуба непомерных развели
 Огромные медлительные сучья
 И осенили постоянный круг
 Где вырос дом – как гриб или валун
 Наслаиваясь темными годами.
 Все прочно здесь и времени упорно:
 И стол и лавки и кирпичный пол
 И гвозди что держали важно утварь
 Продуманную схему сохраняют
 Как камбала висит сковорода
 Напоминая прошлые года.

Здесь молчаливо доживал эстонец
 И белоствольная его жена
 Утрами заводила тихий кофе
 И почтальон как верные часы
 Бренчал велосипедом у калитки
 И тронув белоснежные усы
 Желал им хлеба и желал им жизни
 И подавал – один иль два конверта.
 С годами делались на них картинки
 Всё ярче, и всё медленнее руки
 Справлялись с ожидаемым письмом.
 Они так долго долго долго жили
 И чудом умерли в один и тот же день
 Остался запах кофе и надежды
 И у сарая дикий сельдерей
 Разросся в этот год до самой крыши.
 1972

Тяжелая рука не подымает гласных
 Слова спеклись. Какой крошечный жар –
 Ты в мастерской раскладываешь цвет
 Я здесь над словом чутко умираю.
 Так суждено. Не успеваем жить
 Как гарпии стоят над нами музы
 И тяжелой ночью млечные дороги
 Они наш общий пресекают путь.
 Но горе нам когда мы ноги нудим
 Ища друг друга по земному дну
 Что что тогда мы хриплые бормочем
 Что мы творим, о Господи прости
 Пока настанет осиянный вечер
 В тяжелом блеске двинутся стада
 И только тени этих облаков
 Летят и плачут плачут вдоль по травам.
 1973

Кири-куку И в этот раз
 Приходит день в который раз
 И положил веселый глаз
 На дне – вскипевшая крапива
 Птенец открыл здоровый глаз
 Мудрец ударил в медный таз
 Крот отыскал знакомый лаз
 И кони пробегают криво
 На водопой на водопой!
 Кыш, оглашенные! Разбой
 Ура! Разбой и потасовка
 Волна волну сшибает ловко
 И скалы рушит о прибор
 Как этот бег необозрим!
 За ним сверкает Третий Рим
 Над ним дрожат аркады смеха
 Еще над ним – большое Эхо
 Еще над ним... Еще над ним.
 Большое! Окружи луну!
 Дай море край и тишину
 Дай утешение дай жилы
 Дай твой покой непостижимый
 Дай одинокую волну.
 середина 1970-х

Не сыт разум
 Болит сердце
 Любовь болью
 Себя выдаст
 Покинь птица
 Покинь ветку
 Уйди в небо
 Пребудь песней
 Пока крылья
 Тебя носят
 Побудь прахом
 Уйди в землю
 Пока плачем
 Позорь очи
 Забудь зори
 Кимвал медный
 Кто здесь любит
 Всегда предан
 И так сердце
 Кует золото
 Своей болью
 Своим смехом
 Своей скорбью
 Душа богата
 Покинь птица
 Покинь ветку
 Стреми парус
 Стреми крылья
 Пока скажешь
 Прощай люди
 И плащ смерти
 Тебя скроет
 середина 1970-х

УРОК

текст, не вошедший ни в один сборник
(с магнитофонной записи)

«... ну вот, это... это вообще...
ну да... училка... ну, так у нас... так...
как будто 16-летний мальчишка
рассказывает 14-летнему...

«Училка частная...»
«Урок» называется... Порнэм...

Училка частная мне давала
очередной урок,
и одновременно примеряла
колготки,
такой двойной чулок.
То оголялась,
а то одевалась
перед шкафом зеркальным,
и вовсе как будто меня не стеснялась.
А я был довольно нахальным...
/всё правильно... – О.Г./
На стуле лежал прозрачный пакет
с голой девичьей в одних колготках.
А мне уже было 14 лет,
хоть и ходил я в штанах коротких.
Стянет – натянет,
стянет – натянет,
шлёпнет ладонью,
топнет ногой,
сядет на стул,
то на цыпочки встанет,
и гладит по задку себя рукой.
Встала на стул,
через спину взглянула,
прислонилась плечом к стене,
а после – вовсе колготки стянула
и предложила одеть их мне.
- Со стороны я взглянуть бы хотела...
Дорого слишком, я и боюсь...
Только надень их на голое тело...
А если стесняешься, я отвернусь...
Натянул на себя я колготки
туфли надел и, задом вертя,
я прошёлся её походкой,
звонко по ляжкам себя колотя.
Но расплзлись вдруг от резких движений
её колготки, и двойной чулок...
И были склоненья,
и были спряженья.

... Только совсем о другом был
урок...
... было... нет, у меня с физкультурницей
такая штука была. да... я был гибкий такой...
у меня же все стихи мои
на натуральной почве... да...»

(с записи у аносова, в районе 1990-го.
плёнка в.некрасова; архив кккузьминского)

Телефонная книжка сиониста 70-х годов

А
Алик готов ехать.
Антоша в принципе его поддерживает.

Б
Борис сменил имя на Барух.

В
Веничка оказался евреем.
Валентина вышла замуж за Мишу и теперь собирается уехать в Израиль.

Г
Григорий Абрамович, профессор МГПУ, публично выступил с осуждением израильской агрессии.

Д
Дина не желает ехать.
Дора Михайловна не дает разрешение своему сыну.
Дима, ее сын, уговаривает Дину.

Е
Евочка переспала с Виктором во время пасхального седера.
«Евреи Советского Союза единодушно выступили против фашистской политики, проводимой нынешним сионистским правительством Израиля». (Из воззвания евреев СССР к прогрессивным силам всего мира)

Е
Елкин оказался евреем по папе.

Ж
Женя не пошла на «Горку» по причине плохого самочувствия.
Жора же познакомился там с Верочкой Тительбаум.

З
Зиновий начал учить иврит у Моше.
Залман получил открытку из ОВИРа. Через две недели проводы.

И
Инна Семеновна получила джойнтовскую продуктовую посылку.
Игорек перестал ходить к Моше на уроки иврита.

И
Иони, израильский комсомолец, приехал в Москву с делегацией коммунистической партии Израиля.

К
Коля с друзьями избили Осю.
Катя с мужем и сыном улетают завтра.

Л
Леночка получила вызов.
Леву уволили с работы, и он сразу же устроился грузчиком в магазин «Диета».

М
Мишаню выслали на 101 километр в связи с визитом Никсона.
Марка тоже выслали.

Н
Нора получила 15 суток за участие в демонстрации отказников.

О
Ольга Иванова (Фелер в девичестве) родила дочь и назвала ее Голдой в честь Голды Меир.

П
Пинхасу запретили преподавать иврит.
Полька совсем рехнулась – побрила голову наголо.

Р
Рая с Зойкой и с Мишкой Абрамовичем отправились в поход в Новый Иерусалим.
Рафик прочитал «Эксодус».

С
Соня и Гриша сыграли свадьбу в синагоге – поставили хупу; их не задержали.
Соломон Яковлевич сказал, что лучше эмигрировать в Америку.

Т
Тумаркин отсиживается на даче, его пасут гебешники.

У
Уля, последняя пассия Тумаркина, получила отказ.

Ф
Финкельштейн тоже.

Х
Хаима вызвали в 14 отделение милиции и пригрозили выслать из Москвы, если он не перестанет писать письма в ООН с требованием открыть в Советском Союзе кошерные магазины.

Ц
Циля Моисеевна проплакала всю ночь после того, как ее сын Олежка получил разрешение на выезд.
Цукерманова жена Зиночка переспала с Ванечкой в знак протеста против сионистской деятельности мужа.

Ч
Чара сразу очаровала всех на «Горке» и ее посчитали своей.

Ш
Шломо заявил, что он никогда не уедет в Израиль.

Щ
Щенок Циля Моисеевны написал на ковер.

Э
Эдик получил три года.
Эммочка сломала руку.

Ю
Юру не приняли на мехмат – причина: пятый пункт.
Юлька напрочь рассорилась с Беней.

Я
Я стал новым репатриантом.

АВТОРСКИЕ МИКРОТИРАЖНЫЕ ИЗДАНИЯ (с 1989 по 1991 г.)**Алексей Парыгин. ПЕСОК.** Стихи. Ленинград. 1989.

21,5 X 15,3 см. В твердом переплете. Без пагинации (14 листов). Тираж 5 нумерованных экземпляров.

Первая авторская книжка, задуманная и сделанная Алексеем Парыгиным в сквот-мастерской «Невский 25»*. Включает в себя 10 стихотворных верлибров, написанных в 1987 – 1989 годах. Текст отпечатан на пишущей машинке, автором, – красным, зеленым, фиолетовым и черным тоном. Все экземпляры, кроме № 3 (не сшит), сброшюрованы вручную. Одностороннее заполнение листа. Обложка – картон, ткань х/б, горячий батик в два цвета (желтый и бордо), в правом верхнем углу аппликация из белого картона литеры «П».

Титульный лист – аппликация названия, вырезанными из картона и подкрашенными цветными карандашами буквами.

Фронтиспис – композиция пером и цветной тушью (умбра, синий, красный, желтый). Без иллюстраций.

Все работы, от макета до тиража, исполнены автором.

Алексей Парыгин. ЦВЕТНЫЕ ЗВУКИ. Стихи. Ленинград. 1989.

20,9 X 15,2 см. В твердом переплете. Без пагинации (12 листов). Тираж 5 нумерованных экземпляров.

Издание, задуманное и осуществленное Алексеем Парыгиным в сквот-мастерской «Невский 25». Включает в себя 5 небольших верлибров, написанных в 1987 – 1989 годах. Текст отпечатан автором на пишущей машинке (красным, зеленым, фиолетовым, черным и желтым тоном), с акцентированием цветом отдельных элементов стихотворений, на акварельной бумаге кремового тона. Все экземпляры, кроме № 1 (не сшит), сброшюрованы вручную.

Обложка – картон, ткань, горячий батик в три цвета (св. оранжевый, зелено-голубой и св. коричневый), композиция, выполненная трафаретами в три краски (алый, черный, желтый).

Титульный лист – ручной трафарет (желтым и красным) по зелено-голубой бумаге ручного тонирования, название выполнено вырезанными из картона и подкрашенными цв. гуашью буквами.

Фронтиспис – композиция, отпечатанная трафаретами в четыре цвета (синий, черный, алый, желтый), по зелено-голубой бумаге ручного тонирования.

Пять полосных композиций, отпечатанных трафаретами в три – четыре цвета (синий, черный, алый, желтый), по зелено-голубой бумаге ручного тонирования, с обеих сторон листа.

Все работы, от макета до тиража, исполнены автором.

Алексей Парыгин. ЗЕЛЕНАЯ КНИГА. Стихи. Ленинград. 1989.

21,7 X 15,3 см. В твердом переплете. Без пагинации (16 листов). Тираж 6 нумерованных экземпляров.

Книжка, задуманная и изданная Алексеем Парыгиным в сквот-мастерской «Невский 25». Включает в себя 9 верлибров, написанных в 1987 – 1989 годах. Текст отпечатан автором на пишущей машинке красным тоном (кроме экземпляров № 4 и № 6 – отпечатан черным тоном), на акварельной бумаге кремового тона. Все экземпляры, кроме № 3 (не сшит), сброшюрованы вручную. Одностороннее заполнение листа.

Обложка – картон, ткань х/б, горячий батик в три краски (желтая, зеленая, темно-зеленая), по центру – аппликация из цветного картона ручного тонирования (красный и зелено-голубой).

Форзац – желтый картон, ручного тонирования. Титульный лист – аппликация из картонных букв подкрашенных цветной гуашью.

Пять полосных композиций, выполненных пером и тушью темно-коричневого тона и цветными карандашами (авторская подпись – карандашом) на акварельной бумаге кремового тона. Перед иллюстрациями – листы матовой голубоватой кальки.

Экземпляры с № 1 по № 4 (включительно) имеют дополнительно: фронтисписы – городские мотивы, выполненные пером и зеленой тушью по светло-охристой бумаге (в каждом экз. оригинальный сюжет) и концевые композиции (в каждом экз. свои) выполненные пером и цветной тушью (зеленой, синей, красной и желтой). Добавлены после 1990 г.

Все работы, от макета до тиража, исполнены автором

Алексей Парыгин. МОЯ МАНСАРДА. Стихи. Ленинград, Невский 25. 1990.

21,7 X 14,8 см. В твердом переплете. Без пагинации (12 листов). Тираж 6 нумерованных экземпляров.

Книжка, задумана и сделана Алексеем Парыгиным. Текст – «белый» – грубоватый, уплощенный и упрощенный, ироничный, местами, граничащий с графоманством но, – единственно возможный в данном контексте. Который был составлен в декабре 1988 года и описывал мастерскую «Невский 25». Текст отпечатан автором на пишущей машинке красным, зеленым, фиолетовым и черным тоном, на тонкой (кроме № 1) бумаге слегка сероватого тона. Все экземпляры, кроме № 1 и № 2 (не сшиты), сброшюрованы вручную. Двухстороннее заполнение листа.

Обложка – картон, ткань, горячий батик в два цвета (бордовый и бледно-фиолетовый), трафаретный отпечаток черным и аппликация из желтого картона ручного тонирования.

Форзац – серебристо-серые обои с растительным орнаментом (№ 4 и № 5 – обои светло-коричневые с геометрическим узором). Титульный лист – по центру трафарет черным и красным цветом.

Восемнадцать полосных композиций и концовка – ксерографии черным тоном, трафарет, цв. карандаши, перо, цв. тушь, аппликация из цв. бумаги.

Экземпляры имеют заметные различия в оформлении.

Все работы, от макета до тиража, исполнены автором.

Алексей Парыгин Андрей Вермишев. КРАСНЫЕ КАРЛИКИ. Стихи. Ленинград, САМ. 1990.

21,7 X 16,8 см. В твердом переплете. Без пагинации (8 листов). Тираж 14 экземпляров (8 нумерованных экземпляров, 3 пробных нумерованных экз., 3 экз. – без нумерации), в выходных данных указано 8 экз.

Книжка, задумана (включая отбор текстов) и сделана Алексеем Парыгиным. Состоит из трех стихотворений друга художника, поэта-кочегара Андрея Вермишева, которые были написаны им в 1988 – 1989 годах. Работа над эскизами к книге началась в мае 1989 г. в мастерской «Невский 25» и первоначально предполагала использование пяти стихотворений, закончена в конце 1990 – начале 1991 г., в мастерской на ул. Чайковского 20.

Текст, отпечатанный Вермишевым на пишущей машинке, размножен на ксероксе. Все экземпляры, кроме одного – не номерного (не сшит), сброшюрованы вручную. Одностороннее заполнение листа. Обложка – картон, белая бумага, аппликация из цв. бумаги и картона, название – печать через вырезанный трафарет красным.

Форзац – в разных экземплярах – бумага разного цвета. Титульный лист – ксерография, черная тушь, аппликация из тонкой красной бумаги.

Три полосные композиции, шесть заставок и концовка – перо, черная тушь, ксерография черным тоном, цв. карандаши, акварель, гуашь. Все экземпляры имеют незначительные различия в оформлении.

Все работы, от макета до тиража, исполнены Алексеем Парыгиным.

НЕВСКИЙ 25

Поэтический сборник. Ленинград. 1990.

30,7 X 22,2 см. В твердом переплете. 37 страниц. Тираж – 4 экземпляра.

Самиздатский сборник (состоящий из тридцати двух стихотворений), задуман (включая отбор текстов) и сделан Алексеем Парыгиным. Состоит из текстов Алексея Парыгина, Андрея Вермишева, Анатолия Лукхитяна, Альберта Разумца, Дмитрия Стрижова и Сергея Фирсова, написанных в 1987 – 1990 годах.

Работа по отбору материалов началась в 1989 г. в мастерской «Невский 25» и первоначально предполагала использование большого количества поэтических текстов (около 100), закончена в конце 1990 г., в мастерской на ул. Чайковского 20.

Все тексты отпечатаны самими авторами на пишущих машинках (на разной бумаге), в несколько экземпляров, – под копиру (одностороннее заполнение листа). Сброшюрованы вручную. Обложка – плотный картон, ярко красный ледерин, по центру – тисненый герб РСФСР. Форзац – бумага серо-голубого цвета. Фронтиспис – ксерография с фотографии 1988 г. (вид на Невский пр. из окна мастерской) черным тоном подкрашенная цветными карандашами. Без иллюстраций. Экземпляры имеют незначительные различия в оформлении.

Все работы, от макета до тиража, исполнены Алексеем Парыгиным.

***«НЕВСКИЙ 25» Ленинград 1987 – 1990.**

Сквот-мастерские, образованные 13 марта 1987 г. в самом центре Ленинграда, молодыми художниками экспериментаторами, самовольно вселившимися в мансарды идущего на капремонт дома № 25 по Невскому проспекту (угол Невского пр. и ул. Плеханова). Инициатором организованной в бывшей коммунальной квартире № 20 независимой мастерской являлся А.Б. Парыгин и присоединившейся к нему, несколько позже, Л.К. Кипарисов. Основная цель мастерской – коммуны – возможность свободной работы и неформального общения людей, связанных с искусством (живопись, литература). Объединение не только не имела официального статуса, но было в прямом смысле андеграундом: входные двери были искусно замаскированы, забиты метровыми листами жести с приколотенными поперек досками, и попасть внутрь можно было только по рекомендации «своих». Подобные меры были неизбежной реакцией художников на неоднократные попытки выселения, со стороны местных властей и милиции. За три года существования мастерской в ее работе приняло участие более ста человек: художники, поэты, философы и просто любители искусства. Наиболее частыми участниками были: Марина Кахмура, Ольга и Андрей Вермишевы, Елена Григорьянц, Тамара Митина, Ольга и Александр Палатниковы, Антон Николаев, Сергей Фирсов. Приезжали музыканты из Киева, фотографы из Прибалтики, собиратели живописи и студенты из США, Германии и других стран. Было проведено несколько выставок, как на территории мастерской – «Антарктида» (1989 г.; Леонид Кипарисов, Алексей Парыгин, Владимир Иосифов), так и за ее пределами (1988 – 1989 г.). Регулярно (по средам) устраивались поэтические чтения и диалоги по современному искусству, было напечатано несколько самиздатских литературных сборников, проводились эксперименты с шумовой музыкой. Сквот закончил свое существование в июне 1990 г., через пол года после отключения всех коммуникаций и полного расселения дома, пережив нашествие бомжей и пожар.

Взгляд. Мастерская художника.

Банка ржавой кабачковой икры

И холодный чайник без ручки на столе.

Лестничная площадка в трауре вечернего освещения...

Глаза из стены.

Бабушка-пташка,

Утомленная космическим излучением нервного телевизора,

Постелила коврик на скамейку в городском парке.

У нее в ногах – два красных подарочных торта:

На поминки соседки и для незнакомого дедушки...

Дождь моросит.

Он давно разогнал любителей выпендриться

По квартирам многопартийного дома,

И бабушка заботливо выковыривает палкой потухшие окурки

Из тяжелой промозглой травы,

Перемешанной с грязью и воспоминаниями...

1990

Ровно в восемь проснулся. Все было в порядке.

Как обычно с утра у обычных людей.

Сладко-сладко зевнул. Быстро сделал зарядку.

После мылся и брился. Так начался день.

С аппетитом поел. Выпил сладкого чаю.

Погасил в доме свет. На работу пошёл.

И меня похвалил на работе начальник,

И я понял, что всё у меня хорошо.

Перерыв на обед. Я в столовке покушал.

Закурил «Беломор». Рассказал анекдот.

Улыбался друзьям. Их внимательно слушал.

И был рад им как будто не видел их год.

На вечерний сеанс с очень милой знакомой

Очень мило сходил. Ей сказал комплимент.

Уж не помню какой, у дверей её дома,

И она улыбнулась так ласково мне.

Я вернулся домой. Вымыл чашку и ложку.

Дверь закрыл на замок. Выпил на ночь кефир.

Почему-то опять мне взгрустнулось немножко,

Хоть я, в сущности, был не в обиде на мир.

1988

Тень

Тихо и пусто.
Старый заброшенный дом.
Лестница,
Грязная мраморная лестница.
Стертые ступени.
Бликующие в полутьму коричневых стен.
Последний этаж.
Обитая жестью
Дверь,
Бесшумно открылась...
Узкий коридор бесконечен.
Тусклая желтая лампочка на потолке
Тянется...
Гул шагов.
Это иду я?
Двери, двери, двери...
Как много комнат!
Кто там стоит?
Ближе, еще ближе.
Тень?
Только тень;
Но она смотрит!
Смотрит глубоким зеленым глазом,
Живым глазом.
– Кто ты? Кто?!
– Твоя тень.

Январь 1989

Когда бездомный
мрачный горизонт
звезда утешит,
То, в мастерской моей – в углу,
где старые холсты
и запах краски,
и бумаги,
Среди бутылей из зеленого стекла,
мерцающего в полумраке,
Выходят мыши погулять.
Все в розовых бантах
и черных фраках.

Зима 1989.

Ель

Снег – сонный, сонный.
Прямо на лету засыпает.
Белесые мужики
Медленно волокут что-то на площадь.
Приволокли. Ель!
Подняли ее и в землю воткнули.
Вот стоит она теперь растопыренная,
Вся в восьмерках лампочек,
Разукрашенная звездами и шарами.
Уныло и глупо побрякивая
Стеклобисюжетной бижутерией.
И бронзовый муж – Кутузов
С высокого пьедестала
Рукой куда-то указывает –
Далеко, далеко.
Невидно.
Снег.

Декабрь 1988

Последний холод
Уходящей ночи.
Кружение льда
И отблеск фонарей.
Мир тишины,
молчанья
и тревоги.
Лишь шум моста,
Да жесть луны,
Мне говорят
О странной музыке судьбы.

Март 1987

МОЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(эпос)

Посвящается незабвенному гению КПСС

Над опустевшею рекой
летела птичка полевая,
и сонно дева молодая
смотрела сумрачной совой.
Летали жёлтые листья,
и настороженно, и тихо
манили синие кусты.
И птицы лапами костистыми
сжимали в яростной тоске
свои невидимые тени...
И песни хоровод хотели
сплестать на призрачном песке.
И невесомые гробницы,
свою задумчивость храня,
готовы, кажется, влюбиться...
“Ах, Боже! только не в меня!..” —
вскричала дева, улыбаясь,
и в дом отправилась к себе.
Забыв о собственной судьбе
и, словно пьяные, качаясь,
гусыни вышли на песок...
Волна задумчиво шуршала,
подняв беззвучно опахало
и позабыв про поясик
утопленницы, бывшей рядом...
...Глаза наполнив страшным ядом
и взорами ища подруг,
столпились рыбаки вокруг.
Невдалеке навозный жук,
цепляясь лапками за камень,
шептал сквозь зубы: “Amen, amen!..”
И лестницы ступени болевые
вели наверх, — туда, где ёлка,
где полувековая перепёлка
лежала под стеклом в шкафу... Не вы ли,
плывущие по каменной реке
и евские зайчаток втихомолку,
готовы были спрятаться в котомку,
готовы были прыгать на паркет?!
Но нет, сосед мой, нет!
Не скажете же вы, что жук не вырос,
и не напишете в признательность сонет,
где облегчите участь крысы?..
Но так же здесь — поля не колосились,
а башмаки у парня обносились,
не говоря уже о том,
что тротуары двадцать лет не мылись...
Всё это будет, будет... Но потом.

Цветочкин Вася по бульвару,
наевшись сытного навару,
во фраке чёрном щеголяя
и походя красоток щекотал.
Меж тем рабочий на него трудился,
но в бане — месяц уж не мылся
(трудолюбив, но грязен был).
Но ты про это позабыл,
Цветочкин Вася?!
И не бояся
грядущих смут и перемен,
ты заставлял вертеть ремень
станков твоих, которых было много.
Да! такова была твоя дорога,

и дроги
скитальца немощного падали в кювет.
За это, Вася, тоже дашь ответ!
Меж тем рабочие восстали
и угнетаться перестали.
Васютку вздрючили. Народ
зажил теперь наоборот.

...Над опустевшею рекой
стоял Ульянов молодой
(он уже лысый был и старый).
Москва, спалённая пожаром,
была во власть ему сдана
(и всяка почесть воздана).
Но интервенты, не оставив
угрюмых замыслов своих,
решили снова кол осинового восставить
и на него орла двуглавого всадить.
А Васе дали эполету.
И приказали, чтобы к лету
Москву

заво—
е—
вать.

Е..на мать!
И уж глядь —
дивизий пять
стали, на ..й, наступать...
Во блядь!.. Война-а-а!..
Меж тем Ульянов не дремал
и рать могучую набрал.
Рабочий с вилой и лопатой
(он от труда ещё горбатый)
пошёл Расею защищать...
Цветочкин стал в штанишки срать
и письма для Антанты слать.
Антанты помощь не имея,
пришла хана сему злодею,
повело кота на мыло:
Россия Ваську задавила.

Но вот победа утвердилась,
страна помылась и побрилась.
И снова, руки засуча
и молотками застуча,
народ заводы начал строить,
чтоб жизнь новую устроить,
чтоб достояние утроить!
А между тем была разруха.
И всякая голодная старуха
мечтала о счастливом будущем...
Но это предстоит потом, —
сейчас же был бульон с котом.
И контра тоже шевелилась...
И — слышь! — ЧК-то утвердилась!..
ЧК врагами занялась
и позабавилась властью.
И на зелёные обои,
шурша, посыпались помои:
встань, и вскачь со стульчака —
за тобой следит ЧК!..

...Тем временем, сминая ряд колосьев,
по полю трактор шёл, не беспокоясь.

*Июль 1965. Сиверская
Соавтор: Дм. М.*

Справка об авторах составлена в виде ответа на анкету:

1. дата рождения. 2. образование. 3. принадлежность к творческим союзам, организациям и объединениям.
4. творческое кредо. 5. публикации (выборочно). 6. книги

НИКОЛАЙ БАЙТОВ

1. 23 мая 1951.
2. Окончил МИЭМ (Московский ин-т электронного машиностроения).
3. К творческим союзам не принадлежу. Являюсь членом Пан-клуба.
4. Творческих предпочтений нет.
5. Стихи — в журналах и антологиях.
6. «Равновесия разногласий» (стихи), 1990; «Прошлое в умозрениях и документах» (проза), 1998; «Времена года» (стихи), 2001.

АРКАДИЙ БАРТОВ

1. 18 декабря 1940. Ленинград.
2. Политехнический институт.
3. Член союза писателей СПб.
4. Книги: «ДИВЕРТИСМЕНТЫ», Л., Сов. писатель, 1990; «ПРОГУЛКИ С МУХИНЫМ», Л., Нотабене, 1991; «НЕДОЛГОЕ ЗНАКОМСТВО», СПб., С-Петербург — XXI век, 1994; «МУХИНИАДА», СПб., ДЕАН, 1999; «УБИЙСТВО В ГРАФСТВЕ КЕНТ», СПб., Борей-Арт, 1999 и др.

ВЛАДИМИР БЕСПАЛЬКО

1. Родился в 1940 году.
2. Получил среднее специальное образование.
3. Член Союза журналистов.
4. Публиковался в газетах, журналах, альманахах и сборниках.
5. Автор одной книги стихов (1989).

ОЛЬГА БЕШЕНКОВСКАЯ

1. Родилась в 1947.
2. Училась в ЛГУ (журналистика).
3. Член СП СПб, с 1992 живет в Германии.
4. Печталась в самиздате, в отечественных и эмигрантских изданиях.
5. Книги: «Переменчивый снег» (1987), «Общая тетрадь» (1992), «Песни пьяного ангела» (1999) и др.

ТАМАРА БУКОВСКАЯ

1. 6 марта 1947, Ленинград.
2. Окончила филологический факультет ЛГУ.
3. Действительный член Академии Русского Стиха, член СП СПб.
4. Публикации в журналах и антологиях.
5. Автор шести стихотворных книг: «Отчаяние и надежда», Художественная литература, 1991; «Версии», Ольга, 1992; «ReRe», Ольга, 1992; «Джакомерон», Редкая книга из Санкт-Петербурга; 1995; «Свидетельство очевидца», Облик, 1999; «Невещественное доказательство», Формика, 2002.

ЕВГЕНИЙ ВЕНЗЕЛЬ

1. Родился в 1947 году.
3. Член СП СПб.
4. Печталась в «Митино Журнале» и др.
5. Книги: СТИХИ. СПб., «Призма-15» (1992); ВТОРОЙ СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ. СПб., «Лицей» (2000).

АНДРЕЙ ВЕРМИШЕВ

1. 24 мая 1965, Ленинград.
2. Жур. ф-т ЛГУ (незаконченное высшее).
3. «Союз № 0», «Невский 25».
4. «Красные карлики строятся в колонну по три».
5. статьи в журналах и газетах СПб и Москвы.
6. «Красные карлики» Л. (самиздат), 1990.

КАРЛ ВОЛЬФ

2. Окончил Фюбингенский университет, где учился одновременно с Каем Боровским.
3. Поэт. Живёт в Мюнстере.
4. Автор многих поэтических сборников.

ДМИТРИЙ ГРИГОРЬЕВ

1. 5 сентября 1960.
2. Высшее (Химфак ЛГУ).
3. Член СП СПб.
4. Жизнь чудесна и удивительна. Всё, что мы делаем — часть этого чуда.
5. Публикации в журналах газетах и альманахах.
6. Книги: «СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ», СПб., Северо-Запад; 1992, «ПОСЛЕДНИЙ ВРАГ», СПб., Северо-Запад; 1994, «ПЕРЕКРЕСТКИ», СПб., Борей», 1995, «СТОРОЖ НОЧЬ», Спб., «Азбука», 1996; «ГОСПОДИН ВЕТЕР», СПб., Борей»+«Публикатор», 1998; «ЗАПИСКИ НА ОБОЧИИ», СПб., «Знак»+«Борей-арт», 2000; «ГОСПОДИН ВЕТЕР», Спб., «Амфора», 2002.

ГЕННАДИЙ ГРИГОРЬЕВ

1. Родился 1950 году.
2. Учился в ЛГУ и Литинституте.
3. Член СП СПб.
4. Книги стихов: СВИДАНИЕ СО СПИДОМ (1990), АЛИБИ (1998), МЫ БОЛЕЕМ ЗА «СПАРТАК» (1997).

ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВ (1943 — 1992)

2. Учился в Средней художественной школе.
3. За полгода до смерти был принят в СП СПб.
4. Автор книг для детей: «Чудаки» (1971), «Витамин роста» (1981), «Говорящий ворон» (1989).

ДМИТРИЙ ГОЛЫНКО-ВОЛЬФСОН

1. Год рождения 1969.
2. Факультет русского языка и литературы Рос. пед. у-та.
3. Кандидат искусствоведения. Член редсовета «Худ. журнала».
5. Печталась как поэт и культуролог в журналах и альманахах.
6. Книги: Homo scribens. СПб., 1994; ДИРЕКТОРИЯ. Москва, «Арго-риск», 2001.

НИКОЛАЙ ГОЛЬ

1. Родился в Ленинграде в 1952 году.
2. Окончил Ленинградский у-т культуры.
3. Член СП СССР с 1977 года.
6. Книга стихов «Речевая характеристика» (1990) и др.

АНАТОЛИЙ ДОМАШЁВ

1. 16 ноября 1938.
2. Окончил Кораблестроительный институт.
3. Посещал Лито «Нарвская застава» (1960-70-е)
5. Публикации в журналах и альманахах.
6. Книги: Ветви и махты (СПб, Водолей, 1994); Жизнетворения мои (СПб, Дума, 1998); Наказание охотника (СПб, АССПИН, 2001); Прежде чем (СПб, АССПИН, 2001).

ВАЛЕРИЙ ЗЕМСКИХ

1. 29 октября 1947, г. Волхов.
2. Посещал ЛИТО «Нарвская застава», входил в группу поэтов «НАСТ». Член Союза писателей СПб.
5. Публикации в журналах Сумерки, НЛО, Петрополь, Чернолик и др.
6. Книги: Неверный угол (СПб, Юность, 1993), Послекнижие (СПб, Канон, 1999), Слегка чуть-чуть и кое-где (СПб, Борей, 2000).

АРКАДИЙ ИЛИН

1. 2 апреля 1948, Ленинград.
2. Окончил библиотечный ф-т Института Культуры.
3. Посещал ЛИТО А. Кушнера. Член Союза писателей СПб.
5. Публикации в журналах Логос, Арион, Крещатик и др.
6. Книги: Другая жизнь (СПб, Прометей, 1994); Сибуэты судьбы (СПб, Ut, 1998); Отражения (СПб, Золотой век, 2001).

БОРИС КОНСТРИКТОР

1. Родился в 1950 году.
2. Получил экономическое образование.
3. Член СП с 1992, с 2000г. входит в редколлегия журнала «Крещатик».
5. Печталась в отечественных и зарубежных журналах, газетах и альманахах.

ВИКТОР КРИВУЛИН (1944 — 2001)

2. Учился на филфаке ЛГУ (1961-1967).
3. Член СП СПб. Активный автор и организатор самиздата.
5. Печталась с 1962 в журналах, сборниках, альманахах.
6. Первая книга стихов вышла в Париже (1981), затем «Обращение» (1990), «Концерт по заявкам» (2001), «Предграничные стихотворения» (1994), «Последняя книга», «Реквием» (1998), «Купание в Иордани» (1998), посмертные книги: «Стихи после стихов» и «Стихи юбилейного года».

КОНСТАНТИН КУЗЬМИНСКИЙ

1. 16 апреля 1940
2. пара незаконченных высших (биофак и театральный) и лит. профессора (техасский ун-т)
3. анархист, членом не состоял
4. кредо: «всех на!»
5. самиздат - и по сю, не считая журналов-газет (свыше ста)
6. 9 томов антологии «у голубой лагуны», не считая брошюр (тож свыше ста)

СВЕТА ЛИТВАК

1. Родилась в г.Коврове, с начала 80-х живёт в Москве.
2. Окончила Ивановское художественное училище.
3. Посещала поэтические семинары студии Кирилла Клоульди, до начала 90-х наиболее близкое литературное товарищество с клубом «Поэзия». С 1996 г. член Союза писателей Москвы.
5. Постоянный автор журналов «Знамя» и «Арион».
6. Автор двух поэтических книг: «Разноцветные проказники» (92) и «Песни ученика» (94), а также прозаической «Мое путешествие на Восток» (98), книги эротической поэзии и поэзии «Это — любовь» (02).

АНАТОЛИЙ ЛУКХИТЯ

1. Родился 1966 году в Ленинграде.
2. Окончил математический факультет ЛГУ.
3. «Невский 25».
4. «Хоть я, в сущности, был не в обиде на мир».
5. Нет сведений.
6. Нет сведений.

ЛЕВ МЕЛАМИД

1. Родился в 1944 году, в 1974 году репатриировался в Израиль.
2. Математик, окончил МГУ.
3. Состоял членом Союза писателей Израйла, вышел по причине разногласия с руководством. Последние двадцать лет занимаюсь также журналистикой, был редактором крупнейшей русскоязычной газеты в Израиле «Вести».
4. Творческого кредо нет, так как искусство должно быть свободно от различного рода кредо.
5. Печталась в израильской периодике и в журналах «Континент» и «Время и мы».
6. В1997 году вышла книга «Русское подворье».

АРСЕН МИРЗАЕВ

1. Родился в 1960 году в Ленинграде (СПб.).
2. Учился в ЛГИ, ЛЭИСе и Свободном Университете (мастерская поэзии).
3. С 1989-го по 1995 год принимал участие в издании журнала «Сумерки». Член редколлегии московских журналов «Футурум АРТ» и «Дети РА».
5. Публикации в журналах и антологиях.
6. Автор поэтических сборников «Другое дыхание» (СПб., 1994); «Помимо прочего» (М., 1996); «Стихи и песни Антона Комптова» (СПб., 2000); «Музыка разговора влюбленных глухонемых» (Париж, 2001); «Люди и звуки II», «Парижачьи стихи» (Париж, 2003).

ВАЛЕРИЙ МИШИН

1. 14 января 1939, Симферополь.
2. Окончил живописный ф-т ЛВХПУ им. Мухоморова.
3. В 1965—70 посещал ЛИТО при газете «Смена», в 1968—70 — ЛИТО Т. Гнедич в г. Пушкине. Член СХ России.
5. Печталась в газетах и журналах.
6. Издано шесть книг.

ОЛЕГ ОХАПКИН

1. Родился в 1943 году.
2. Получил среднее музыкальное образование.
3. Член СП СПб.
5. Печталась в журналах, альманахах и антологиях.
6. Первая книга стихов вышла в Париже (1989). В 1990 сборник «Пылающая купина» вышел в Ленинграде.

АЛЕКСЕЙ ПАРЫГИН

1. 2 декабря 1964, Ленинград
2. Графический ф-т ЛГПИ им. Герцена.
3. «Союз № 0» 1986—1989, «Невский 25» 1987—1990, «Равноденствие» 1991.
4. «От уникального к типическому и обратно»
5. «Ветер» (самиздат), Ереван, 1989 №12; «С.-Петербургская панорама», 1993 №3.
6. «Песок» Л. (самиздат), 1989; «Зеленая книга» Л. (самиздат), 1989; «Цветные звуки» Л. (самиздат), 1989; «Моя мансарда» Л. (самиздат), 1990.

ЮЛИАН РЫБАКОВ

1. 17 апреля 1942.
2. Высшее техническое.
3. ЛИТО «Нарвская застава» (1968—78). Организатор лит. клуба «Невостребованная Россия» (с 1997).
4. Кредо: всегда.
5. Альманах общества слепых, альманахи «Город-Текст» и «XXI век», журналы «Реальность и субъект», «Акт».
6. «Время на вырост» (1994), «Преломление слова» (2000), «Лето Господне» (2003).

БОРИС РОГИНСКИЙ

1. Родился в 1972 году в Ленинграде.
2. Окончил ин-т им. Герцена.
5. Печтает литературно критические статьи. Премия журнала «Звезда» (2000).

ДМИТРИЙ СЕВЕРЮХИН

1. 13.02.1954.
2. Высшее.
3. Член Союза художников, председатель СПб. Общества поддержки художников.
6. Книги: Художники Русского Зарубежья 1917—1939: Биографический словарь. СПб., 1999, 2000 (совм. с О. Лейкиндром и К. Махровым); Вечер в Летнем саду: Эпизоды из истории «Второй культуры». СПб., 2000; Самиздат Ленинграда 1950-е — 1980-е: Литературная энциклопедия / Под общ. ред. Д. Северюхина, М., 2003; Митино счастье: Повесть. СПб., 2003.

КАРИ УНКОВА (1941 — 1983)

2. Окончила геологический факультет ЛГУ.
5. Писала стихи и печталась с раннего возраста. Печталась в самиздате.
6. Небольшая книга стихов, «Избранное», вышла в Тель-Авиве (1985).

ЭДУАРД ШНЕЙДЕРМАН

1. Родился в 1936 году.
2. Окончил филфак ЛГУ.
3. Активный автор и участник самиздата.
5. Печталась в отечественной периодике.
6. Автор книг: «Свалка» (1994), «Годы свиньи» (1999), «Большая книга дворника» (2001), «Российские покупки за 280 лет» (2004).

ВЛАДИМИР ЭРЛЬ

1. 14-го, между прочим, мая 1947 года.
2. Образование, в общем-то, среднее, но много читал.
3. С сентября 1964 года был завсегдатаем Малой Садовой; именно там познакомился весной 1969 года с забредшим туда К.К. Кузьминским. В официальные союзы и объединения не входил, зато образовал в 1966 году группу Хеленуктов «Могучая Кучка». Особо надо отметить постоянное общение в первой половине шестидесятых годов с Л. Аронзонем, А. Хвостенко и А. Волохонским, а в семидесятые с К. Кузьминским.
4. «Люблю писать стихи», но не всегда отдавать в печать.
- (5.) Хотя публикаций набралось... Был постоянным сотрудником «Транспонанса» и «Митино журнала», хотя публиковался и там, и сям.
6. Изданы три книги: — Хеленукизм (Книга Хеленуктизм). СПб., 1993 [в основном, коллективные произведения]; — Трава. Трава. СПб., 1995 [избранные стихотворения]; — В поисках за утраченным Хейфом. СПб., 1999 [документальная повесть].
- 6-bis. Готовил к изданию и оснащал примечаниями произведения Л. Аронсона, Л. Богданова, К. Вагинова, А. Введенского, А. Крученыха, Д. Хармса и мн. др.